

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТУРА

ЗЕМЛЯ ЯГУАРА

Кирилл КИРИЛЛОВ

**ЗЕМЛЯ
ВЕЛИКОГО ЗМЕЯ**

Земля ягуара

Кирилл Кириллов

Земля Великого змея

«Крылов»

2011

Кириллов К.

Земля Великого змея / К. Кириллов — «Крылов»,
2011 — (Земля ягуара)

Два русича, посланные царем Василием III с тайным заданием на Кубу, оказываются втянутыми в поход Кортеса на столицу империи ацтеков. Авантюра оказывается неудачной. Испанцы разбиты и изгнаны за пределы города. Но непреклонный Кортес жаждет мести и вновь рвется в бой. Новый поход оказывается куда сложнее предыдущего. Коварные индейцы атакуют огромными армиями, заманивают в ловушки, подсылают убийц. Шпионы и изменники, работающие на европейских монархов, строят козни, мешая Кортесу завладеть несметными богатствами империи ацтеков. И даже сама природа, кажется, восстает против конкистадоров, пробуждая на битву с ними древних богов. А любовный четырехугольник, углами своими увязший в обоих враждующих лагерях, окончательно запутывает дело.

© Кириллов К., 2011

© Крылов, 2011

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	31
Глава четвертая	39
Глава пятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кирилл Кириллов

Земля Великого змея

© Кириллов К., 2010

© ИК «Крылов», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая

Пот заливал глаза, ручьями стекал по спине. Влажный тропический воздух забивал легкие. Каждый удар сердца, с трудом гнавшего по венам густую кровь, молотками отдавался в висках. Плечи ломило от тяжести кирасы. Гудящие ноги не слушались, и с каждым шагом отрывать их от вязкой, жирной земли становилось все труднее. Стертые подошвы зудели. Хотелось прилечь, замереть, отгородиться от всего своей спиной и больше ни о чем не думать.

Но Мирослав не давал роздыху. Он то исчезал впереди за кустами, то возвращался, подгоняя изнемогающего от усталости Ромку, известного в Новой Испании как дон Рамон Селестино Батиста да Сильва де Вилья. А впереди почти всегда оказывалось одно и то же. Очередной отряд, либо криками и песнями загоняющий испанцев, либо сидящий в засаде и ждущий, когда те на них выйдут. Пока у конкистадоров оставались силы и боеприпасы, мешики вели себя осмотрительнее, а потом осмелели. Они устраивали настоящие облавы и травили испанцев как диких зверей. Тех, кто сопротивлялся, убивали, а тех, кто падал обессиленно или изнемогал от ран, вязали и волокли к лодкам, чтобы переправить через озеро в столицу. Но там их тоже не ждало ничего, кроме допроса, издевательств и смерти на жертвенном камне.

Иногда Ромке казалось, что им не выбраться живыми. В каждой тени чудился ему притаившийся враг. За каждым взмахом птичьих крыл слышался шорох оперения мешикской стрелы. Каждый цепляющийся за одежду сучок казался смуглой рукой, впивающейся в одежду и норовящей утащить в кусты. Но каждый раз, когда на молодого человека накатывала паника, Мирослав непостижимым образом оказывался рядом, бросал несколько подбадривающих слов и снова исчезал в чаще, оставляя Ромку наедине с усталостью и страхом.

Когда молодому человеку в очередной раз стало казаться, что он не выдержит, упадет в траву и зарыдает, Мирослав призраком появился из чащобы и скомандовал привал. Ромка облегченно уселся у могучего корня, растирая гудящие ноги. Богатая накидка из перьев, снятая с убитого мешикского касика, намокла, расплзлась, и слипшиеся перья осыпались с нее, как с линяющей горлицы. Камзол превратился в лохмотья, покрытые бурыми пятнами высохшей крови, по счастью, в основном вражьей. Панталоны зияли прорехами, из которых скоро начнет вываливаться срам. От одного сапога подметка отлетела напрочь, и даже два локтя пеньки, намотанные поверх, не спасали от щекотки лесного мусора. Голенище второго было сверху донизу издырявлено чем-то тонким и острым. Но кто его так и чем, Ромка припомнить не мог, слишком уж много всего случилось за последнее время.

Похожие следы как-то оставил на его валенке клевачий кочет, когда он сопливым еще отроком приблизился к курятнику. Мерзкая птица предательски налетела со спины и всадила шпоры в ногу прямо через толстенный войлок. Ох и орал он тогда. Совсем, думал, порешит его петух. Но повезло. Кто-то из дворовых подбил злобную тварь поленом и на руках отнес истекающего кровью мальчика в подклеть. Там с него срезали наполненный кровью валенок, перевязали тряпичей и с причитаниями отправили отрока в дом – размазывать по щекам слезы и сопли пред светлы очи приемного отца – князя Андрея. Но тот не стал ругать. Улыбаясь в бороду, выслушал сбивчивый, прерываемый рыданиями рассказ о Ромкиных злоключениях, положил ему на голову широкую, теплую ладонь и сказал:

– Не переживай, петух – птица боевая! В царстве поднебесном, за Великой стеной, его символом отваги и воинского духа почитают. Невелика в том поражении страсть¹.

У Ромки отлегло от сердца. А через две недели, когда раны на ноге совсем закрылись, он рассыпал за амбаром просо, взял у печи медную кочергу и подстерег мерзкую птицу.

¹ Несчастье (др. – рус).

Что за морок – оборвал молодой человек нахлынувшие воспоминания. Мирослав пропал. Только что его спина, облитая странным, неуловимо меняющимся под цвет листвы вокруг плащом, маячила среди деревьев – и вот на тебе. Растворился. Хоть бы слово молвил, хотя пора б уже привыкнуть к его молчаливой манере. Мирослав мало изменился с тех пор, как они покинули Москву и отправились в далекое путешествие, казавшееся сперва веселым приключением, но обернувшееся трудным военным походом. Правда, за этот год Мирослав, надо отдать должное, стал относиться к молодому человеку с куда большим почтением, да и Ромка притерпелся к независимым манерам спутника, назначенного ему в слуги, но так и не свыкшегося с ролью.

Мирослав. Москва. Мама. Ее остроскулое, загорелое, с бойкими черными глазами лицо встало перед Ромкиным внутренним взором. Томясь в московских снегах в заточении у коварного князя Тушина, она, наверное, страдает по сыну и мужу. Ведь князь Андрей рассказал ей о своем намерении отпустить ее на все четыре стороны, если отец Ромки, граф Гонсало де Вилья, будет отстаивать интересы княжества Московского в Новой Испании, о чем и хотел сообщить ему через сына. Искушенный царедворец наверняка даже помыслить не мог, до каких высот доберется гордый идалго, убивший Мотекусому и занявший его место.

Однако судьба распорядилась иначе. Мешики восстали, отец был предательски убит, а испанская армия, с которой Ромка прошел от Вера Крус до столицы империи мешиков, разгромлена и выбита за пределы города. Теперь ее остатки добивает кровавый враг, мстя за унижение и разорение страны. Ну да бог с ними, с испанцами, у них теперь своя дорога, у него своя. Нужно успеть вернуться в Москву прежде, чем новости достигнут ушей князя Тушина и он вздумает что-нибудь учинить с его мамой.

Фернандо Кортес Монрой Писарро Альтамирано стоял на невысоком пригорке, скрестив руки на груди. Он мрачно созерцал остатки своей разбитой армии. Исход из столицы Мешико отнял у него все. Золото, артиллерию, людей, честь и уважение. Около тысячи испанцев были зарублены на дамбе, заживо сгорели в машинах-башнях или были утащены мешиками для принесения в жертву своим кровожадным богам. Сколько погибло индейцев-союзников, подсчитать не мог никто.

Но с поражением на дамбах их злоключения не закончились. Свежие отборные силы мешиков количеством несколько тысяч, а может, и несколько десятков тысяч находились в полутора днях пути. В его же отрядах осталось всего около четырех сотен человек, примерно столько же, сколько высадилось с ним на реке Табаско в самом начале похода. Каждый, не исключая самого капитан-генерала, был ранен, а многие не единожды. Порох, пули и стрелы к арбалетам были на исходе, а до спасительной Талашкалы оставалось еще три дня пути по хорошим дорогам. А через эту чашу да нетореными тропами – и все четыре.

Немного примиряло с действительностью, что большинство из оставшихся на дамбах были людьми Нарваэса, которые слишком нагрузились золотом и не смогли удержаться на плаву. Цвет воинства, с боями прошедший от Вера Крус до столицы Мешико, сохранился и мог еще себя показать, но надежда остаться в живых угасала с каждым часом.

К Кортесу осторожно приблизился Педро де Альварадо – кавалерийский капитан, потерявший большую часть всадников и оставшийся без единой лошади. Был он весь перевязан сочащимися кровью бинтами, а цветом лица напоминал выбеленную стену испанской асьенды. После битвы на дамбе, где он демонстрировал чудеса храбрости и чудом вырвался из лап озверевших врагов, его свободный от повязки глаз неугасимо пылал лихорадочным блеском. Врачи говорили, что от заражения крови с ним приключилась лихорадка, но сам Кортес думал, что это проступают наружу горечь поражения и жажда мести.

– Генерал, – вполголоса проговорил он. – Беда!

Дон Эрнан только хмыкнул в ответ. Что могло быть хуже случившегося несколько дней назад? Владеть и повелевать всей страной. Купаться в роскоши. Спать вволю. Есть сколько поместится в не стесненное кирасой брюхо. Отдавать приказы и видеть, как любое твоё желание исполняется в мгновение ока и... В одночасье потерять все.

– Сеньор, – настырный Альварадо потряс его за разорванный, прожженный рукав.

Капитан-генерал оглянулся, полоснув друга и соратника жестким взглядом черных вороньих глаз:

– Что вам?

– Вы должны увидеть это сами.

Кортес с удивлением оглядел его с ног до головы. Похоже, Альварадо, сам Альварадо, был чем-то напуган. А чтоб напугать капитана...

– Хорошо, пойдёмте.

Скользя по песку гладкими подошвами сапог, Кортес спустился с холма вслед за прихрамывающим на обе кривоватые ноги кавалеристом и направился к неглубокому оврагу за лагерьем. К нему оставшиеся в живых рабы-кубинцы стащили умерших за ночь и коротали время, обшаривая карманы и сумки покойных в надежде, что что-то осталось после мародеров-испанцев, первыми обшаривших трупы.

На краю Альварадо остановился и совсем невежливо придержал рукой Кортеса, собравшегося поближе рассмотреть то, ради чего его сюда пригласили. Капитан-генерал хмыкнул и с недоумением посмотрел на восемь завернутых в отрезы дорогой мешикской ткани свертков, уложенных рядком, наособицу от других покойников. Зрелище самое обычное. Конкистадоры и их союзники талашкаланцы десятками умирали от потери крови и грязи, занесенной в необработанные раны, только завернуты тела как-то слишком уж плотно.

Альварадо дал знак одному из суетившихся внизу кубинцев. Тот поколдовал над свертком и потянул в сторону уголок ткани. Генерал отшатнулся. Со дна прямо на него глядели мертвые глаза одного из рабов-эфиопов, которых привезли с собой люди Нарваэса, так бездарно провалившего своё задание. Но не темные зрачки, окруженные посиневшим белком, напугали бесстрашного предводителя конкисты, а многочисленные язвы, покрывающие эбеново-черное лицо.

– Чума? – выдохнул он.

– Лекарь сказал, что оспа, – вполголоса ответил Альварадо. – Но это вряд ли лучше. Если тела не сжечь немедленно, вместе с теми, кто их сюда оттаскивал, через две недели мы недосчитаемся половины отряда.

– Сеньор Бог, за что ты посылаешь нам такие... – начал замысловатую тираду капитан-генерал, но осекся. Лицо его нахмурилось, усы встопорщились по-кошачьи, а рука потянулась к эфесу висящего на боку меча. Но вдруг Кортес просветлел. Он повернулся к Альварадо и хлопнул его по раненому плечу, отчего капитан скривился и присел.

– А ведь это... – пробормотал капитан-генерал себе под нос, но мысль не закончил.

Рабы-кубинцы разделявали большими ножами тело умершего раба. Брали эти куски и разносили по округе. Разбрасывали на дорогах, развешивали по ветвям. Несколько особо крупных частей скинули в колодцы, около которых изможденная армия Кортеса останавливалась прошлой ночью. Мелкие ошметки покидали в тянущиеся к озеру Тескоко ручейки. Наконец от могучего эфиопа остался только дочиста ободранный, а может, и обглоданный костяк – рабам выделяли не очень много еды из скудных армейских запасов.

Покончив с мясом, они расселись вокруг скелета на корточках и затянули погребальную песню. Как бы ни кончил свою жизнь человек, его надлежало похоронить с почестями, чтоб его дух упокоился и не приходил мстить тем, кто столь странно проводил его в последний путь.

Глухо ударила в ложе арбалетная тетива, потом еще и еще одна. Толстые болты с чавкающим стуком пронзили обнаженные тела. Двое вскочили на ноги и зайцами кинулись в лес, но стрелы настигли и их.

– Все, уходим, – донесся из-за кустов командирский басок.

– Один жив, кажется. Может, добьем? И стрелы бы надо собрать, – неуверенно спросил юношеский ломающийся голос. – И может, золотишко какое осталось. Пошарим?

– Капитан сказал, кто дотронется до эфиопа или тех, кто до него дотрагивался, – убивать. Рядом с ними лечь хочешь? – посуловел голос командира.

Только удаляющийся шорох листьев под ногами стрелков был ему ответом.

Жаркое солнце мгновенно иссушало влагу, проступавшую на спинах мешикских воинов, посланных для поимки испанцев. Частички соли кололи кожу, вызывая по всему телу неприятный зуд, от чего они чесались и скреблись, как шелудивые псы. Касик Тенокоталь высвистел из серебряной дудочки команду на привал и первым спустился в прохладную балку, окруженную невысокими раскидистыми деревьями. Присев на корточки, он облокотился спиной о пузатый ствол невысокого дерева и потряс флягу. Сухое нутро выдолбленной тыквы ответило неприятным шорохом отколовшихся частичек. Вода закончилась. Он пососал распухший, не помещающийся во рту язык в попытке набрать немного слюны. Тщетно. Надо отправить кого-то наполнить опустевшие сосуды. И за листьями дерева тухутесоко, приложить к зудящим язвам на шее и подбородке. Но сначала воды. Воды.

– Дрыхнешь? – буркнул воин в своей обычной манере, словно сгустившись из воздуха перед затуманенными очами молодого человека.

– Нет, задумался чего-то, – ответил Ромка, украдкой смаргивая предательскую слезу.

– Ты не думай, а зри и слушай. Враги кругом.

– Как там оно? – спросил Ромка, махнув головой в сторону, откуда появился Мирослав.

– Как везде, – пожал плечами воин. – Мешикские дозоры по всем дорогам. На развилках посты. В каждом дюжина, а иногда и поболее. Допрежь кричали много, костры жгли. Не прятались. Но командир толковый, видать, сыскался, научил уму-разуму. Теперь тихо сидят, как росомахи в засаде. Я в одну чуть не попался с разгону.

– И чего? – спросил Ромка, оглядывая его одежду – не появилось ли новых прорех и следов крови. При случае Мирослав не задумываясь пускал в дело свои многочисленные ножи.

– Ничего, – ответил воин, поймав его взгляд и улыбнувшись понимающе. – Отполз. Много их там, связываться себе дороже.

– Так что делать-то?

– Не ведаю. В лесу не отсидимся. Что ни день, то они выгоняют все больше народу на прочес. Уже и крестьян с окрестных деревень сгонять стали. Ставят через сажень по человеку и пускают цепью. Тех, кто от основных сил отбил, как сетью гребут.

В Вера Крус бы, да туда дорога заказана, ее особо охраняют. Заслоны стоят по сотне человек каждый да патрули. У прибрежных городов, что за Кортеса стояли, помощи искать не с руки. Они запуганы сейчас до смерти, а ну как мешики вспомнят, что те испанцам помогали? Чтoб их гнев от себя отвести, скрутят и выдадут Куаутемоку: вот, мол, прими в дар и более на нас не серчай. А там и до жертвенного камня рукой подать. Можно попробовать уцелевший отряд нагнать, он на Талашкалу двинулся, не иначе. Это отсюда сильно восточнее. Но это самый наипоследний вариант.

– Почему? – изумился Ромка.

– Да нехорошее у меня с капитан-генералом случилось. Повздорили.

– Ну я поговорю как твой сеньор. Объясню, принесу извинения. Кортес ко мне тепло относится. Извинит.

– Не извинит, – покачал головой Мирослав. – Такое не извиняют.

– Да что у вас вышло-то?!

– Из-за женщины поспорили.

– Из-за какой? Из-за доньи Марины?! Ну ты даешь! – присвистнул Ромка. – Она же...

– Ладно, хватит, – оборвал его воин, пружинисто вставая. – Идти пора.

– Куда?!

– Да в Талашкалу, вестимо, – грустно проговорил Мирослав. – К испанцам твоим. Вместе сподручнее.

– Они такие же мои, как твои, – угрюмо ответил Ромка, вставая с теплой сырой земли.

– Да нет, не такие. Меня они в капитаны не производили, долю в золотой добыче не выделяли, да и... Эх... – Он развернулся и не оглядываясь заскользил меж деревьями. Ромка заспешил следом, придерживая рукой шпагу, последнее не утраченное в передрягах имущество.

Минут двадцать они пробирались сквозь буераки тропического леса в полном молчании. Стремясь заглушить неведомую горечь, Мирослав задал такую скорость, что Ромка с трудом за ним поспевал. В конце концов, окончательно обессилев, он было хотел молить воина о пощаде и привале, но тот остановился сам. Присел у куста, выглянул из-под развесистой кроны и втянул голову обратно. Задумчиво почесал бровь.

– Что такое? Мирослав! – потормошил его присевший рядом молодой человек. Ему непривычно было видеть спутника в рассеянности и задумчивости.

– Странно. Час назад тут мешки стояли. В той вот балочке. Полсотни, не меньше. С мечами своими стеклянными да дубинками. Да на косогоре с луками десятка два. Там, где две дороги встречаются, проезжая да окольная, что в городок ведет. А теперь ни души.

– Так хорошо! – вскричал Ромка. – Пойдем к городу, авось по окраинам пошарим, одежды какой найдем да поесть чего? – Он потер ладонью урчащий от голода живот.

– Глупый ты, – покачал головой Мирослав. – Такие посты просто так не бросают. Либо испанцы сдались и войне конец, либо что хуже стряслось.

– Да что хуже-то стрястись может? – изумился Ромка.

– Вот и я не представляю. Ладно, двинем. Сначала я. Добегу к тому стволу, что на бутылку смахивает. Там залягу и следить стану. А ты сразу опосля, вон в ту ямку. Потом я до косогору. Как подойду – ты вот туда, к елке кривой. Ежели никого, рукой махни, я к дороге спущусь, а ежели кто есть – пальцами кажи, сколько человек. Да за край балки не суйся, вдруг не все оттуда убрались. Понял?

– *Si, mi capitán!*² – съерничал Ромка, молодецкато бросив руку к виску.

Мирослав укоризненно покачал головой и беззвучно нырнул в траву, а вынырнул из нее уже около намеченной канавы. Пересек ее одним прыжком. Перебежал дорогу и упал за стволом дерева. На все про все ушло не более десяти секунд.

Ромка только покачал головой. Его молодое тело никак не могло поспеть за сноровкой бывалого воина. Хоть умом он и понимал, что далось то годами повторений, но сердце все равно завистливо сжималось, когда он видел Мирослава в деле.

Теперь пора. Молодой человек вскочил и, шлепая отваливающейся подошвой, побежал к указанному месту. На заду съехал в неглубокую воронку и выставил из нее голову, как суслик.

Внимательно следивший за ним Мирослав надавил на воздух ладонью, пригни, мол, кочан, и стал карабкаться на песчаный откос. Скользкие корни и ползущий под ногами песок не смогли замедлить его движения. Скрылся за косогором. Ромкина очередь.

Оттолкнувшись руками, молодой человек пробкой вскочил из ямы и побежал, забирая влево, как было сказано. А вот и балочка. На дне что-то виднеется. Мирослав не велел. А... Была не была. Ромка немного изменил курс и выглянул за край. На дне различались четкие

² Слушаюсь, мой командир! (исп.)

следы недавней стоянки. Сырая земля, вспаханная ногами, несколько пустых тыквенных фляг. Щепки. Обрывки веревки. Несколько тонких стволов невдалеке белели свежими сломками. Ромка проскочил дальше, завалился под широколистные ветви с большими красными плодами и замер, стараясь расслышать что-то сквозь стук рвущегося наружу сердца.

Никого. Видать, мешики ушли окончательно и бесповоротно. Да не подстроили б подлюсти какой. Надо Мирославу рассказать, он опытнее, авось что и сообразит.

Помянутый воин бесшумно сполз с песчаного откоса, залег у самой дороги и словно растворился. Если б Ромка не знал, он бы подумал, что вдоль дороги медленно перемещается небольшой сноп травы или странное растение перекаати-поле, которое привозили иногда на потеху из хазарских степей.

Мирослав добрался до места, где косогор упирался в невысокую, отроку по грудь, каменную стену, огораживающую поселение. Ромкин черед. Еще раз прислушавшись и осмотревшись, он вскочил на ноги и побежал, стараясь держаться в тени. Перескочил дорогу, что исчезала в воротах, шириной едва двум лошадям разъехаться. Замер.

Прямо от ворот начинались городские строения. Наперво крытые соломой хижинки с маленькими, козе не прилечь, дворишками, потом глинобитные беленые домики за невысокими плетнями. В центре, как водится, городская площадь, над которой нависала громада си³.

Городок утопал в зелени, скрывавшей от глаз путников то, что делается на улицах. Ромка прислушался. Бормотание ветра в кронах, журчание источников, птичьи трели. Все звуки природные, исконные. А женских криков, бряканья посуды, визга непоседливых детей – обычных звуков большого поселения – не слышать. И едой не тянет, значит, не готовили давненько, несколько часов, не иначе. Только рычание вроде какое-то? Или собаки брешут вдалеке? Показалось? Нет!

Мирослав уже поджидал его, сидя на корточках около одного из привратных столбов, прислонившись спиной к раскаленному за день камню. Ромка пристроился у другого и, стараясь не шуметь, перевел дыхание.

– Кажись, нет никого, – сказал он.

– Вижу, – ответил Мирослав. В его голосе не было удивления. Индейцы часто бросали свои селения при приближении испанцев или иной напасти. – Обходить долго выйдет. С одной стороны холмы непролазные, с другой – река за обрывом. Придется напрямки.

– Что, туда вот лезть? В осиное гнездо прям?

Мирослав кивнул и решительно поднялся на ноги. Уголки его рта обрезали глубокие прямые морщины.

– Быстрее начнем, быстрее закончим.

Они достали оружие из ножен и перешагнули незримую черту, отделяющую город от остального мира. Людей видно не было. Оброненного скарба, битых горшков и забытых кур, безмолвных свидетельств того, что обитатели в спешке покидали свои дома или что их уводили силой, тоже не наблюдалось.

А вот и живая душа. На солнцепеке, прямо посередине мощенной камнем площадки вольготно развалилась палевая собака размером с небольшую овчарку. Глаза ее были блаженно прикрыты, розовый язык вывалился из открытой пасти прямо на белые плиты. Рядом копошились то ли семь, то ли восемь щенков, изредка повизгивая и подлаивая.

Молодой человек сглотнул набежавшую слюну. Этих бы щенков да на вертел. Индейцы собак для того и разводили.

– Ишь, разлеглась, – благодушно проговорил Мирослав: собак он любил больше, чем людей.

³ Мешикский храм-пирамида.

– А мешиков-то не видно. Не нравится мне это, – пробормотал Ромка, нервно оглядываясь. – Что ушли, непохоже. Словно пропали все в одночасье. Как Вельзевул унес.

Мирослав мрачно кивнул в ответ.

– Куда ж нам теперь? – спросил молодой человек.

– К святилищу, – ответил воин. – Если кто остался, у храма найдем.

– Так зачем их искать-то, нам бы проскочить по-тихому?

– Лучше узнать, что да как тут было, вдруг жив кто остался и в погоню кинется?

Ромка кивнул. Держа оружие наготове, они снова двинулись вперед, ориентируясь на нависающую над городком срезанную верхушку пирамиды.

С каждым шагом вокруг становилось все мрачнее. Опустевшие хижины и маленькие лачуги смотрелись неприглядно, но не более. Одноэтажные домики без хозяев были мрачны и унылы, а огромные двух- и трехэтажные особняки, из окон которых не долетало ни звука, производили вовсе гнетущее впечатление. Белые хлопчатобумажные занавеси, полоскавшиеся на легком ветерке, заставляли поминутно вздрагивать и оглядываться на движение. К тому же впечатлительному Ромке они неприятно напоминали саваны. Мертвенное спокойствие города нарушали только перепархивающие с ветки на ветку птицы, да бродячие собаки цокали когтями, спеша убраться с дороги незваных гостей. По мере приближения к храму улица становилась шире, заборы росли и отодвигались. Отгораживались от дороги канавами, больше похожими на рвы с накидными мостами. Дома отползали в глубь дворов, так что с улицы оставались видными только террасы и парапеты на плоских крышах.

Мирослав отчаянно крутил головой. Умом он понимал, что в городе никого нет, но привычка не давала оставить без надзора места, откуда твердая рука могла метнуть копьё или пустить стрелу. Словно река в озеро, впадала улица в городскую площадь саженей двухсот в поперечнике, в самом дальнем конце которой возвышался си – ступенчатая пирамида из тесаных камней в человеческий рост. Вопреки обыкновению, на срезанной ее верхушке не курился дымок жертвенного костра.

Вот уж совсем дико. Мешикские храмы никогда не пустели совсем. Даже в самый разгар войны, посреди жестоких боев, пока оставался хоть один житель, он поддерживал жертвенный огонь и делал богам хоть какие-то подношения, дабы не забыли, не отвернулись.

Мирослав поднял руку, давая сигнал остановиться, но Ромка и так не собирался приближаться к буро-зеленоватому завалу около входа в храм. Его глаза уже явственно различали, из чего он состоит, но мозг не хотел верить. Все население города было здесь. Мужчины, женщины, дети внавал лежали вокруг храма. Судя по напряженным позам, неестественно вывернутым конечностям и перекошенным, начавшим потихоньку разлагаться лицам, смерть их не была легкой. Над телами роились тучи мух, сытые собаки лениво рылись лапами и мордами, выискивая кусочки повкуснее. Невдалеке прохаживались огромные черно-белые птицы с мощными кривыми клювами и маленькими головами на длинных сине-розовых шеях. Они явно побаивались собак и скромно дожидались очереди принять участие в трапезе.

Судя по скудости одежды – перья, бусы да набедренные повязки, во дворе приняли смерть бедные жители. Богатым выпала сомнительная честь отдать богу душу в храме. Постепенно из общей массы стали вырисовываться детали. Женщина, прижимающая к груди младенца, подросток-водонос, так и не дотащивший лохань с водой до рук страждущих. Мужчина с многочисленными шрамами и широкой костью воина, сжимающий в руке копьё, бесполезное против невидимого врага. И на всех телах огромные, с орех величиной, оспины.

– Вот оно, значит, как? – долетел до Ромкиного слуха голос Мирослава. – Мор.

– Чума!!! – выдохнул Ромка и почувствовал, как слабеют его ноги.

– Не чума. Оспа скорее, – проговорил Мирослав, вглядываясь в лица умерших. – Вон, вишь язвы какие на лицах. Давай отойдем, как бы нам не подхватить.

Пред Ромкиным мысленным взором встали страшные картинки из медицинских фолиантов Андрея: бредут по пустым улицам мимо горящих костров врачи в костюмах из кожи и масках птичьего вида. В клювах смоляные травы; в руках жезлы с ладаном от нечистой силы. А в отверстиях для глаз поблескивают стеклянные линзы.

– Это кара божья, ее никто не минует, – обреченно вздохнул Ромка.

– С чего ты взял? Болезнь это. Аки горячка али соплетечение.

– Но в книгах пишут, что от миазмов⁴ чума бывает. Правда, гниlostью тут не пахнет, – скорее по привычке заспорил Ромка. – А газы сии, как писал ученый муж Ганеман, шибко вонять должны. Но может, тут такие газы?

– Малярию, холеру азиатскую скорее в болотистых местах подцепить можно, где воняет, то верно. А вот чума или оспа и в пустынях свирепствует, где ничего не гниет, а все высыхает. Знал о том твой муж? Половина мракобесами написана, вторая – неумехами глупыми, которые к больному-то на сажень подходить боялись.

– Отчего ж книги пишут? И зачем тогда печатают? – ехидно спросил Ромка, остановился и вырвал ладонь из деревянной руки Мирослава.

– Да за ради славы все. Вот, мол, я какой. Гоголь-птица. Сейчас всех научу, как жить, как думать, как пить, как есть, как умирать. А сам-то отродясь ничего, кроме репы, не жрал, да опаснее похода за ней на рынок не переживал. Запомни, Роман, писатель – это либо человек, который понимает меньше нашего и пытается свои мысли в порядок привести, на бумагу излив. Либо тот, кто приключений хочет, да боится отправиться, вот и сочиняет всякое, вместо того чтоб плащ надеть да за дверь выйти.

– А как нам дальше-то? Миазмы ведь?

– Что б ни было, соваться туда не след. Даже краем... Вот что, сбегай-ка к косогору да притащи песочку поболее. Только не с верху копай, а из глубины, на ладонь или глубже.

Ромка недоуменно почесал в голове, но спорить и перечить не стал. В трудных ситуациях он верил Мирославу больше, чем заступничеству Девы Марии и двенадцати святых апостолов. Со всех молодых ног он кинулся исполнять приказание и уже через десять минут вернулся с полными горстями сырого и тяжелого, как могильная земля, песка.

Мирослав решительным движением оторвал от подола рубахи две полоски ткани. Внимательно осмотрел, даже понюхал зачем-то и накинуд молодому человеку на вытянутую руку ту, что почище. Присев, разложил другую на колене. Сгреб с Ромкиной ладони одну горсть песка, высыпал на тряпицу. Разровнял горку и завернул. Закрутил концы тряпки, отстегнул от пояса флягу и щедро полил водой.

Ромка во все глаза пялился на мелькание его рук.

– Чего застыл? – буркнул Мирослав. – Делай как я.

– А зачем это... Эта... Оно?

– От миазмов предохранит, – коротко ответил воин.

Подняв полоску к лицу, он завязал концы на затылке и сделался похож на благородного разбойника из галльских сказаний.

Ромка тоже справился с задачей и подставил получившуюся маску под обильную струю из фляжки Мирослава. Повязал на лицо, поправил, чтоб не мяло нос и не шлепало по губам. Воин проверил, плотно ли сидит на Ромке маска, подергал вверх-вниз и остался доволен.

– Теперь пойдем.

Ромка, стараясь лишний раз не вдохнуть отравленного оспой воздуха, кивнул и побрел вслед за Мирославом. Бочком, не отходя от стены, они прошли четверть окружности и свернули на боковую улицу.

⁴ По представлениям средневековых людей, вредоносные газы, исходящие из земли и вызывающие болезни. О бактериях догадывались немногие.

Воин остановился, попятился назад, чуть не отдавив молодому человеку ногу. Посередине мостовой лежали несколько раздутых тел. То ли пытались искать защиты в храме и сил не хватило, то ли, наоборот, пытались уползти от смерти и не смогли. Все трупы были обезображены. У кого-то не хватало руки или ноги. Лица некоторых покрывала ужасающая короста из выболевших язв. Только одно лицо не тронули болезнь и собаки – лицо молодой девушки. Развернутое вверх, оно смотрело в прозрачное голубое небо угольными глазами, в которых читалось: «За что?»

Мирослав остановился:

– Дальше ходу нет, давай назад, по другой улице спробуем.

– Откуда ж напасть такая? – не выдержал молодой человек.

– Из земель, что за сарацинскими лежат. Эфиопии и других, – глухо буркнул из-под маски Мирослав.

– Откуда ты знаешь?

– Да все напасти оттуда. Чуму, от которой в Европе две трети людей вымерли, крестоносцы с собой привезли. Наказал их Бог за то, что Символ веры на дурное использовали. Крест опоганили.

– Да как же на дурное? Гроб Господень от неверных спасти хотели, – вскрикнул Ромка.

– Ежели б хотели, так спасли б. А то поехали, пограбили, порезали, пожгли, и все под знаменем креста, да обратно, в родные замки. Вот и случилась напасть, от которой меч не помогает. Да еще и проказа и многие хвори в придачу.

– Но всеблагодать и всемилостивость Божья?

– А тебе было б приятно, если б прикрываясь именем сеньора Рамона Селестино Батисты да Сильва де Вилья кого-то грабили, убивали и насиловали?

– Нет.

– Вот и Богу неприятно.

– Ну а оспа-то откуда здесь взялась? Эфиопия-то за морем. – Ромка поспешил перевести разговор с неприятной темы.

– Оттуда же. От эфиопов. Сейчас у испанцев да португальцев принято рабов себе из эфиопов да нубийцев набирать – нигтеров по-ихнему. Я у людей Нарваэса в прислуге пару видел. Наверное, кто-то из них болен был. Вдохнул-выдохнул пару раз, и началось.

– А у нас на Руси почему таких бед не случается?

– А что в твоих книгах про то сказано? – ехидно спросил воин.

Казалось, он и сам рад поговорить, чтоб отвлечься от груды тел вокруг пирамиды.

– Ничего не говорят. Кто-то упомянул: мол, славяне к зверям ближе, чем романцы, оттого и человеческими болезнями реже болеют, все больше звериными, неведомыми. Я б тому писателю... – Ромка выразительно взмахнул шпагой.

– Да уж, – протянул Мирослав. – Умники. У нас мор всякий тож бывает, но редко и там, где теплее. А в Московии, Новгородских землях и далее на север зимы холодные. Воздух так промерзает, что миазмам или иным каким пакостям ходу нет. Дохнут на морозце-то русском. А бритты да франки тоже додумались про то и костры на улицах жгли во время чумы, чтоб миазмы те погорели. Да разве весь эфир выжжешь?

За разговорами они обошли половину площади и добрались до другой большой улицы. На ней не было заметно пораженных болезнью тел.

Мирослав остановился. Молодой человек журавлем замер позади него с поднятой для шага ногой. Воин снова двинулся вперед, поводя головой из стороны в сторону. Ромка пошел за ним, отчего-то стараясь ступать след в след. Так они добрались до следующей улицы. От развилки обе дороги круто сбегали вниз с высокого холма, а что делалось у подножия, было не различить за бровкой.

Мирослав поднял руку, приказывая Ромке остановиться и спрятаться, а сам нырнул в тень, отбрасываемую тянущимися из-за заборов ветвями, и исчез, как не было. Молодой человек присел рядом с кустом на развилке, чтоб видеть одновременно обе дороги, подтянул длинные ноги и принялся ждать.

Тут же нестерпимо зазудела невымытая несколько дней шея. Заболели ступни, намятые прохуdivшимися сапогами, заурчало в животе и засвербило в носу. Стараясь поменьше шуметь и не задевать ветви, он принялся одной рукой чесать все доступные места, а другой разминать пальцы ног. Ему очень хотелось снять сапоги и вытряхнуть из них мусор, но это было бы слишком шумно и потому опасно в хоть и мертвом, но, скорее всего, враждебном городе.

Сколько он ни прислушивался, все равно пропустил возвращение воина.

Тот критически оглядел замершего в нелепой позе – одна рука пальцем в носу, другая по запястье в сапоге – молодого человека и опустился рядом. Помолчал.

– Ну что там? – не выдержал Ромка, вытаскивая палец из носа.

– Отряд. Тот, что с развилки.

– Живые? – спросил молодой человек, уловив в голосе воина затаенную горечь.

– Несколько. Отползли и умирают. Остальные все вокруг носилок лежат. Не дышат.

– Каких носилок?

– Самодельных. Касика умершего несли куда-то. Да не донесли. Сами откинулись.

За проведенное вместе время Ромка успел неплохо узнать характер своего попутчика. Смерть в бою Мирослав почитал славной и никогда не грустил по этому поводу. Но вот убийства беззащитных, болезни и казни больно ранили давно, казалось, покрывшуюся непробиваемым панцирем душу. За эти скрытые чувствительность и доброту многие, в том числе и Ромка, прощали Мирославу немало. Хотя и желающих русскому воину самой лютой смерти наверняка было с избытком.

– Что делать будем? Добьем или обойти попробуем? – спросил молодой человек.

– Добить бы хорошо. Мучаются. Да приближаться опасно. Вот самопал бы... Ладно, некогда мечтать, как мыслишь, по боковой улице или дворами?

– Мыслю, по боковой. Во дворах не видно ничего, как знать, на что нарвешься. А тут хоть в две стороны обзор.

– И я так мыслю. Идем.

Солнце взошло в зенит. Потоки света отвесно лились на землю. Ветер гонял меж деревьями облака жара, не принося прохлады медленно варящимся легким. Сердце с трудом гнало по венам тяжелую загустевшую кровь. Переулок постепенно превратился в тропинку, зажатую меж плетней, на кольях которых висели глиняные горшки местного производства. Совсем как в Малороссии. Потом и тропинка покрылась густой, сочной у корней и выгоревшей на кончиках листьев травой, напоминающей болотную осоку.

Воин осмотрелся, подумал и, кинув саблю в ременную петлю, взялся за край одного из плетеных заборов. Хекнув, подбросил тело вверх. Плетень зашатался, осыпался глиняными горшками и стал заваливаться. Кошкой извернувшись в воздухе, Мирослав приземлился с той стороны. Одернул драную рубаху и как ни в чем не бывало зашагал прямо по грядкам, усаженным жирными зелеными стеблями с маленькими бело-желтыми цветками, густо разбросанными по макушке. Ромка осторожно наступил на поваленный забор. Перешагнул и бросился догонять Мирослава, рукой придерживая стучающую по губам маску.

Глава вторая

Измотанный долгим переходом, отряд с трудом пробирался через густой подлесок. Жара душила. Раны кровоточили. Болели натруженные руки, мечами прорубающие путь сквозь паутину лиан. Если молодые солдаты еще как-то держались, то дону Херонимо де Агильяру приходилось совсем плохо. Несколько раз он просил товарищей оставить его, но те, обозленные на весь мир военной неудачей и потерей золота, казалось, находили какое-то изощренное удовольствие в том, чтоб с иезуитской учтивостью гнать вперед старого книжника.

Смеркалось, было самое время устроить привал. По этим джунглям и днем-то ходить трудно, а ночью и вовсе опасно. Молодой дворянин, взявший на себя роль капитана, заметил небольшую опушку и свернул туда. Дойдя почти до противоположного края и подождав, пока выйдут все, взмахнул рукой, подавая долгожданный сигнал.

Измотанные солдаты просто подогнули ноги и попадали, кто где стоял. Дон Херонимо присел у толстого, наполненного дневным теплом ствола и закрыл глаза.

Слава богу, ему хоть в караул не надо, подумал старик, прислушиваясь, как переругиваются испанцы, выясняя, кому заступать. Что-то очень уж они расшумелись, враги кругом, подумал дон Херонимо, приоткрывая глаза.

Кажется, такой будничный повод, как расстановка караула, помноженный на злость и усталость, дал выход какой-то давней вражде, люди разделились на два лагеря. Одни, те, что помоложе, стояли за новоявленного капитана. Другие, постарше, явно не хотели ему подчиняться. Глаза разгорались, острые бородки клинышком зло топорщились, руки тянулись к рукояткам мечей. Только этого еще не хватало, подумал книжник, с трудом разгибая старческие колени. Но встать ему не удалось, на плечо легла чья-то рука. Он посмотрел на плечо и оторопел. Рука была без рукава, темно-бронзовая, с красноватым отливом, в браслете из мелкого речного жемчуга. Мешик?!

Дон Херонимо хотел закричать и не смог. Другая рука накрепко запечатала ему рот, третья потащила за одежду в тень разлапистой пальмы. Ближайший к нему испанец, так же присевший у дерева и не участвующий в ссоре, захрипел, пытаясь оторвать от шеи впившуюся в нее веревку. Другой солдат, на той стороне поляны, без вскрика исчез под грудой барахтающихся тел. Третий, мягко подломившись в коленях, опустился на траву, не донеся рук до разбитой чем-то тяжелой головы. Нескольких невидимые руки уволокли в кусты. И только тогда разгоряченные спорщики заметили, что на поляне есть не только они.

Мгновенно забыв о раздорах, они встали спиной к спине и вытащили из ножен мечи. Заозирались тревожно, поводя из стороны в сторону остриями. У некоторых в руках, будто сами собой, оказались щиты.

Вопреки ожиданиям дон Херонимо, мешики не бросились на врагов, крича и размахивая дубинками, не попытались сломать их строй. Наоборот, похватав за руки и за ноги уже захваченных пленных, они стали оттаскивать их подальше от поляны, видимо решив довольствоваться этой добычей.

Чувствуя, что расстается с соплеменниками навсегда, дон Херонимо снова рванулся – и одна из держащих его рук соскочила. Он оттолкнул другую, вырвался, помчался в лес, не разбирая дороги, прислушиваясь к нарастающему за спиной топоту. Наддал изо всех своих сил, молясь о том, чтоб на лес скорее спустилась непроглядная тьма.

Гладкий, размером с куриное яйцо камень, пущенный из пращи, настиг его. Ключнул в затылок, сбил с ног. Книжник не сразу потерял сознание, он чувствовал, что его тащат сквозь подлесок, не заботясь о хлещущих по лицу листьях, связывают, бросают на кучу тел товарищей, которых от мешиков можно было безошибочно отличить по стойкому солдатскому духу... И тут наконец забытье его настигло.

Утром полторы дюжины пленных связали в колонну, положив на плечи длинные палки и перехватив их веревкой под подбородок и с затылка. Развернули и, покалывая наконечниками копий, погнали в сторону Мешико.

Кутаясь в драный плащ, Кортес смотрел с коня на расстилающуюся перед ним долину Отумбе. Вся она от края до края была заполнена отрядами касика Сиуаки, чью храбрость и свирепость познал не один народ этой многострадальной земли. И не было конца сверкавшим на солнце копьям, развевающимся знаменам, фантастическим головным уборам и перьевым украшениям вождей, выделявшимся на белоснежном фоне хлопчатобумажных панцирей рядовых воинов.

По замыслу Куаутемока, они должны были остановить в предгорьях остатки испанской армии и истребить, не дав ей добраться до Талашкалы. Место для сражения было выбрано исключительно удачно. Меж горных нависающих над долиной отрогов не то что армия, горстка смельчаков могла сдержат целые полчища не хуже спартанцев царя Леонида. Но...

Армия Сиуаки уже была разбита. Не сталью мечей, не залпами картечи, а неведомыми испарениями, миазмами, поставившими на ней большой христианский крест.

Большинство воинов были еще живы. Некоторые даже пытались удержаться на ногах, но могли только ковылять на четвереньках или ползти, вслепую нашаривая фляги с водой на телах умерших или вырывая их из рук тех, кто больше ослаб.

Кортес оглядел расположившуюся недалеко от входа в долину ставку касика. Сам Сиуака, в не по-военному богато отделанном золотом перьевом одеянии, бессильно поник на носилках, окруженный несколькими дюжинами высоких мускулистых телохранителей. Те тоже могли в лучшем случае сидеть, опираясь на копья. Многочисленная свита лежала вокруг, не в силах пошевелиться. Несколько женщин-рабынь умерли, не донеся до носилок подносы с кушаньями и напитками. Расшитый золотой нитью, увитый розами и лентами штандарт над головой командующего покосился, но все еще реял над «долиной смерти».

Кортес оглянулся и через головы столпившихся за ним капитанов подозвал одного из аркебузирова. Взял у него из рук ружье и тлеющий фитиль. Морщась от боли в раненой руке, приложился к исцарапанному ложу. Прицелился. Вдавил тлеющую паклю в запальное отверстие. Грянул выстрел. Во все стороны брызнули ошметки разорванного маленькими свинцовыми шариками главного штандарта. Древко постояло некоторое время, затем с треском надломилось, и боевое знамя накрыло собой тело испускающего последний вздох касика. Великая победа свершилась.

Мирослав появился, как всегда, бесшумно. В ответ на вопросительно поднятые брови молодого человека лишь покачал головой:

– Впереди деревня. Тоже вымерла. Вся. Собаки тела растащили по округе. Кто знает, как далеко. Надо к востоку забирать. Там река, через нее зараза пройти не должна.

– Вторую неделю бродим тут, – с досадой сплюнул Ромка, – а все никак выбраться не можем. У меня вон из сапог не только пальцы, пятки торчат. И от птиц этих в пузе звуки неприличные.

– Ладно нить, – цыкнул Мирослав и тут же остыл: – Прости. И сам я извелся, да иного пути нет. Не по чумным же местам идти.

– Погоди, ты говорил, что оспа это.

– Хрен редьки не слаще. Пойдем, авось вывезет кривая.

Сборы были недолгими, и через пять минут путники уже снова брели, раздвигая усталыми ногами густую траву. За дни, проведенные под сенью тропических деревьев в обществе молчаливого воина, молодому человеку начало казаться, что все, происходившее с ним ранее, было в какой-то другой жизни. Заснеженные улицы Москвы, путешествие на корабле через

бурный океан, сеча на реке Табаско – первое сражение, где он по-настоящему рубился с супостатом. Штурм Мешико. Горящие покои дворца Аяшкотля, страшный и кровавый исход из мешикской столицы. Все это происходило с кем-то другим. С героем одного из многочисленных рыцарских романов, которыми заставлены были несколько полок в доме Андрея Тушина. А он так и бродит с рождения меж вековых стволов и колючих кустарников, не находя ни смысла, ни приюта... Погруженный в тяжкие мысли, он чуть не налетел на спину замершего с поднятой ногой воина.

- Тихо ты, – прошелестел голос Мирослава.
- Что там? – одними губами спросил Ромка, склоняя голову поближе к его уху.
- Войско вроде. Ступают тяжело, не по-местному. И лошади копытами бьют.
- Лошади? Так свои, значит?! – воскликнул Ромка.
- Погоди радоваться, сначала узнать надо. Вдруг мешики полоненных в столицу ведут?
- Так пойдем скорей!
- Пойдем. Только я вперед, а ты тут останешься. А то начудишь чего по горячности.

Не слушая тихих возражений молодого человека, Мирослав шагнул вперед и словно растворился в тенях, отбрасываемых стволами деревьев. Ромка присел на выпирающий из земли узловатый корень и стал ждать.

Верховный правитель государства Мешико Куаутемок разглядывал нарисованную чернилами карту, на которой охрой были помечены охваченные болезнью области. Тяжкие думы морщили высокий лоб двадцатипятилетнего императора, старя и без того немолодое лицо.

Невиданный дотол в этих местах мор тянулся вдоль всего побережья, клещами охватывая столицу и почти отрезая мешикской армии путь к Талашкале, где проклятый Кортес нашел себе приют. Были, правда, два узких прохода вдоль рек, где вспышки болезни не отмечались, – и велик был соблазн бросить на Талашкалу все силы, какие удастся собрать, и задавить наконец не только наглых пришельцев, но и вековечный очаг сопротивления и смуты. Но кто поручится, что с момента, когда была нарисована карта, ничего не изменилось и хворь не закупорила проходы? Та зараза сейчас опаснее ошметков армии *teules*⁵. Уму непостижимо, что всего за несколько дней она сделала с грознейшей и величайшей в стране армией касика Сиуаки. Тяжелые складки раздумья побежали по лицу молодого правителя, складываясь в новые узоры.

Откуда ж взялась эта зараза? Раньше о таком слухом не слыхивали, значит, скорее всего, ее завезли пришельцы. А что их отличает от моего народа? Невероятная храбрость и доблесть? Куаутемок грустно улыбнулся: таким бы и сам он заразиться не против. Другой цвет волос и кожи? Тоже не то, у многих из народов, подчиненных империи, цвет кожи и волос отличался не меньше. Гнев богов? Но жертв приносится столько, сколько никогда до этого. И часто на жертвенном камне оказываются сами *teules*, так неужели богам не хватает и этого? Откуда такая ненасытность? И почему молчат жрецы? А может, дело в заклинаниях, наложенных на оружие? Так и мешики убивали пришельцев их же мечами, но с ними ничего такого не случилось. Что же?

Это надо обдумать. Или... Спросить? Ему ведь доложили – вчерашним вечером доставили пленных. Да не каких-то вшивых талашкаланцев, а настоящих *teules*. Он кликнул одного из многочисленных племянников, исполняющих при нем обязанности секретаря, и велел привести.

Испанцы предстали пред ним тотчас. Помытые и почищенные, для того чтоб не осквернять своим грязным видом и смрадным запахом чувств верховного правителя. Куаутемок натренированным взглядом вельможи определил, кто чего стоит.

⁵ Божества. Дети богов.

Большинство были простыми солдатами. Недалекими, своевольными, упрямыми и опасными. Допрашивать их было так же полезно, как выяснять у стаи ягуаров, зачем они задрали козу. Этих на жертвенный камень. А вон те двое... Один – в летах, словно забыв, что он пленник, с приоткрытым от восхищения ртом разглядывал красоты княжеского дворца. Наверное, какой-то ученый муж. Он может помочь в выведывании сокровенных тайн teules. Второй – с длинными локонами черных волос, острым взглядом и повадками гремучей змеи. Явно не из бедных, потому пришел сюда не только воевать и грабить. Но и не знакомиться с местными красотами. Наверняка есть и что-то еще.

Противник опасный, видно сразу. Переиграть такого сложно, но если сделать так, чтоб его цели совпадали с нуждами Мешико, то может оказаться очень полезен. С кого начать? Наверное, с того, что попроще. Он знаком велел увести всех пленных, кроме выбранных двоих, и поманил к себе старика.

– Ты понимаешь наш язык?

– Да понимаю, хотя говорю не очень правильно, – ответил тот с противным талашкаланским акцентом.

– Мне нужен человек, который помог бы мне лучше понять пришельцев и, возможно, заключить с ними мир. Ты хочешь этого? – спросил он в лоб, не размениваясь на дипломатические экивоки.

– Я?! Помочь?! Конечно, – расплылся тот в улыбке. Видимо, он уже не раз представлял себе, как входит в его грудь обсидиановый нож и трепещет в руке жреца еще живое сердце. – С радостью!

Конечно с радостью, подумал Куаутемок, таких, как ты, хлебом не корми – дай только кому-нибудь помочь.

– Что ж, хорошо, тогда отдохни пока. Предоставьте ему комнату и поест, – бросил он не оборачиваясь. Напоминать, чтобы с пленника глаз не спускали, было излишне.

Теперь к самому сложному.

– А ты что скажешь? – обратился он к оставшемуся в одиночестве пленнику.

Толмач из мешиков перевел.

– Скажу? – вместо ответа задал вопрос тот. – А что я могу тебе сказать?

– Как что? – удивился Куаутемок. – Ты вообще... В плену. И если не сможешь убедить меня, то тебя ждет та же судьба, что и твоих бесполезных собратьев.

– Не лукавь, правитель, – улыбнулся в ответ пленник, по-змеиному быстро облизнув губы языком. – Если б ты не разглядел во мне пользы, сразу отправил бы вместе со всеми.

Куаутемок был раздражен, но не ошарашен.

– Эй, – крикнул он, – отдайте этого человека жрецам. Если он такой смелый, пусть поспорит с богами.

Двое охранников подступили к человеку и завернули ему руки за спину, поволокли к двери.

– Подождите! – воскликнул тот. – Стойте!

Куаутемок махнул рукой, приказывая стражникам остановиться. Вопросительно поднял бровь.

– Может быть, я смогу предложить тебе нечто интересное? – проговорил пленный, вновь облизывая губы. Он заметно побледнел, а от былой гордыни не осталось и следа.

– И что же это? – поинтересовался верховный касик.

– Например, деньги. Много. Моя семья достаточно богата и может дать за меня три тысячи песо.

Верховный касик усмехнулся и снова взмахнул рукой. Стражники опять потащили пленника к дверям.

– Стойте! – вновь воскликнул он. – Да остановитесь же! Пять тысяч песо! Десять!

Касик хмыкнул.

– Я могу привести тебе лучших коней, какие только сыщутся в этой части света! Четыре или пять.

– Коней?! – удивился касик. – А зачем мне кони? Чтобы я трясся на них, как это делают teules? Нет, носилки куда удобнее. А к военному делу их как приспособить?

– Тогда, возможно, ты захочешь приспособить к военному делу... – переводчик замылся.

– Те трубки, что метают во врагов гром и молнии, – пояснил пленник. – Я могу достать три или четыре дюжины! Венецианские купцы должны в следующем месяце привезти в Вера Крус партию, я могу договориться, чтоб они не продавали их Кортесу, а доставили вам. И оплачу все расходы.

Касик пошевелил губами, прикидывая, сколько это будет на мешикский счет. Всегда грустные глаза его на миг загорелись, потом снова потухли.

– Зачем они мне? Талашкаланцы, основная ударная сила Кортеса, атакуют тысячами. Что могут против них три дюжины ружей? К ним нужно много взрывающегося порошка. Его ты достанешь нам тоже?

Пленник поник головой, и стало понятно, запасов пороха ему взять негде.

– К тому же, – продолжал размышлять Куаутемок, – чтоб сделать это, тебя придется отпустить, ведь вряд ли твои купцы поверят моему подданному, который придет к ним с бумагой, пусть и подписанной тобой лично. А если я тебя отпущу, ты не вернешься. Никто бы не вернулся.

Касик погрузился в свои мысли. Казалось, он забыл о существовании пленника. Стражники вновь завернули ему руки за спину. Пленник наклонился вперед, чуть не подметя и без того чистый пол своими ухоженными локонами.

– Стойте! – вновь прохрипел он. – Я знаю, что тебе предложить, великий правитель!

– Да? – в глазах Куаутемока вновь зажглась искорка интереса. – Что же на этот раз? Но прежде чем ответить, помни, этот раз точно последний.

Стражники чуть ослабили нажим, пленник выпрямился. Лицо его было красно от пережитого волнения.

– Что ж, – продолжал пленник, – в обмен на свою жизнь и свободу я могу предложить тебе... – Он выдержал долгую паузу и на одном дыхании выпалил: – Жизнь Эранана Кортеса!

Куаутемок ждал чего-то похожего, но все равно был слегка удивлен. При дворе Мотекусомы часто плелись заговоры, в которых иногда участвовал и он. Но никогда, даже в самых тесных кружках, так откровенно и прямо не говорили о таких вещах. Хотя... То ведь были заговорщики, а теперь он верховный правитель и может разговаривать с кем хочет и о чем хочет.

Куаутемок приосанился, поплотнее уселся на троне и снова съезжился под улыбкой пленного. Тот, словно открытую книгу, читал душу верховного правителя. Может, лучше приказать его казнить? Прямо сейчас? И покончить с этим? Но голова Кортеса – это возможность одним ударом положить конец нашествию teules.

– Жизнь Кортеса? Это интересно. Отпустите-ка его, – велел он стражам. – А почему я должен тебе доверять? Кто убедит меня, что ты не сбежишь, как только я выпущу тебя за ворота?

– Мне нечего оставить в залог, – поник головой пленник. – Могу только рассказать о мотивах. Может быть, тогда ты мне поверишь?

– Что ж, я слушаю.

– Люди, которым я... Хм. Кое-чем обязан, приказали мне убить Кортеса. Своими руками я не хочу этого делать, поэтому начал искать обиженных в его окружении, чтоб с помощью золота или лести претворить свой план. Уже почти нашел, но случилось... Что случилось. Надо начинать все сначала. И есть опасность, что меня выдадут, обратись я к неправильному человеку... А вот если Кортеса убьет мешик, подозрения на меня не падут ни в коем случае!

– Я верю тебе, – ответил Куаутемок. – Но как ты поможешь убийце, которого мы при-
шлем?

Мирослав бесшумно сгустился из окружающих теней и поманил Ромку за собой. Моло-
дой человек устало поднялся и побрел за постепенно теряющей очертания спиной. Догнать
воина ему удалось только у самой дороги. В этом месте она делала крутой поворот, и идущих
по ней не было видно, зато было прекрасно слышно. Копыта, звон сбруи. Лязганье оружия.
Типичные звуки, издаваемые испанским отрядом на марше. Кажется, они даже не считали
нужным таиться. Так свободно, не таясь ходить могли только хозяева положения. Или?

Наконец из-за поворота показались голова коня, лука седла, сжимающие поводья руки,
кавалерийский бикокет⁶, кираса.

Амуниция испанца была сильно помята и изрублена. За спиной бахромился плащ, надо-
рванный в нескольких местах. Лицо почти до самых глаз было замотано офицерским шарфом.
Но... Ромка едва не вскрикнул от радости, узнав плотную, уверенную посадку доблестного
кабальеро дона Гонсало де Сандовалья.

Не помня себя, молодой человек выскочил на дорогу и замахал руками, как мельница
крыльями. Испанский капитан от неожиданности дернул поводья, заставляя коня подняться на
дыбы. Два арбалетчика выскочили вперед и припали на колено, наводя прицел на оборванного,
странно жестикулирующего человека, выскочившего на дорогу.

Сандоваль узнал Ромку. Взмахом руки велел стрелкам опустить оружие, спрыгнул с коня
и, сдвинув шарф на подбородок, медленно пошел на встречу молодому человеку. Тот бросился
вперед, раскрыв руки для объятий.

– Alto ahí, don Ramón!⁷ – бичом хлестнул по ушам его окрик.

Ромка замер на месте и сам поразился тому, как чуждо прозвучал для него испанский
язык.

– Manos arriba! – скомандовал Сандоваль. – Quiten la mascara!⁸

В голосе капитана было что-то такое, что не давало никакой возможности послушаться
приказа. Ромка поднял руки и медленно стянул повязку.

– Простите, дон Рамон! – Иссеченное шрамами лицо капитана расплылось в улыбке. –
Зараза свирепствует в этих краях. Не хотелось бы подхватить.

Ромка улыбнулся и бросился на шею Сандовалья. Они крепко, по-мужски обнялись.

Через пять минут Ромка в новых сапогах и хлопчатобумажной рубаше из личных трофеев
Сандовалья шагал рядом со спешившимся капитаном и внимал рассказу о событиях, которые
конкистадоры окрестили «Ночь печали».

– Когда махины-башни загорелись, мы были уже у стен города Тлакопана, что стоит при
входе на дамбу. Мой авангард почти не пострадал, основной удар пришелся на ваши с Альва-
радо отряды.

Ромка кивнул, вспоминая заполонившие сколь хватало глаз воду лодки и тысячи брон-
зовых тел, бросающихся в атаку прямо на выставленные вперед наконечники копий.

– Мы хотели идти к вам на помощь, но на узкой дамбе рыцарям было не развернуться,
а лошадей вблизи вражеского города мы бросить не могли. Оставалось только ждать. К нам
прорвалась часть стрелков Олида, – продолжал Сандоваль. – Два десятка мечников из вашей
команды и около сотни талашкаланских воинов. Кортес с конниками тоже вышел на нас, но
чуть позднее. Мы приступили к нему с просьбой немедленно вернуться на помощь отставшим,

⁶ Итальянский шарообразный шлем с большим забралом и вогнутыми стенками.

⁷ Остановитесь, дон Рамон (*исп.*).

⁸ Руки вверх. Снимите маску (*исп.*).

особенно застрывшим у злополучного моста. Капитан-генерал ответил, что вернуться – значит погибнуть, но все же с другими конными и немногими пехотинцами повернул обратно.

Мы же с оставшимися засели в нескольких брошенных строениях в пригороде, но войска из Мешико уже подходили, и жители Тлакопана и окрестных поселений похватили какое смогли найти оружие и подступили к нашим позициям. Мы отбивались мечами и кинжалами, ибо порох и арбалетные тетивы подмокли. Кортес же продвинулся на столицу и вскоре наткнулся на раненного в ногу Педро де Альварадо. Несмотря на рану, вы ж знаете нашего безумца, он бился пеший, с копьем в руке, и с ним были четыре солдата и десяток талашкаланцев, все в крови от многих ран. Они остановили около полусотни мешиков. Дальше проникнуть было немыслимо, и Кортес, прикрывая и поддерживая раненых, вернулся.

Слезы катились по лицу Альварадо, когда он рассказывал нам об участии отставших. Более восьмидесяти рыцарей, включая незабвенного Хуана Веласкеса де Леона, погибли при опрокинувшемся переносном мосте. Сам же дон Педро едва спасся, он перемахнул канал, упершись копьем в дно.

Ромка покачал головой, он помнил этот провал и совсем не был уверен, что это в человеческих силах. Но в минуту смертельной опасности люди часто способны сделать больше, чем в обычное время, а уж Альварадо мог учудить такое на ровном месте.

– Четыре солдата, которых он привел с собой, – продолжал Сандоваль, – после гибели конных перешли со многими опасностями по заполнившем провал на дамбе мертвым телам, коням и поклаже. Мешики шли по пятам, бой захлестнул нас. Там мы потеряли еще трех солдат и решили отступить, пока не подоспели основные силы из Мешико. К счастью для нас, основная часть их воинов, вместо того чтобы преследовать нас, израненных и обессиленных, занялась совсем другим делом. Одни собирали трупы, сгружали их в лодки, отвозили к белым камышам и сбрасывали там в общую кучу. Другие подбирали оружие: в основном мечи, копья и алебарды. Это позволило нам относительно спокойно уйти.

Аркебузиры сумели отойти почти без потерь, а пушки Меса приказал утопить, дабы они не попали в руки врагу. Несколько уцелевших союзников из индейцев указали нам направление на Талашкалу и умело повели нас по малолюдным проселочным дорогам. К вечеру мы наткнулись на довольно большой и крепкий си. Там мы смогли остановиться, развести огонь и наскоро перевязать раны, ибо враг все еще наседал, закидывая арьергард стрелами, дротиками и камнями из пращей. Несколькими конными рейдами мы смогли отбросить их назад и в относительном спокойствии двинулись на Талашкалу.

Позже какой-то остролов прозвал это отступление «Ночью печали». Итог ее был страшен. Мы потеряли около тысячи христиан и не менее восьми тысяч союзников-индейцев. Всю артиллерию и почти всю конницу. Потеряли мы и много золота. Потом было сражение, если так можно это назвать, в долине Отумбе. Хвала нашему Сеньору Богу и находчивости нашего капитан-генерала, что помогли нам одолеть врага без потерь.

И вот наконец мы добрались до Талашкалы. У Кортеса были опасения, что союзники не будут испытывать к побежденным той почтительности, что испытывали к победителям. Но к счастью, талашкаланцы не меняют своих привязанностей в зависимости от политического момента. Нас приняли сердечно и трогательно. Самые знатные касики Машишкацин, Шикотенкатль Старый, Чичимекатекутли, Тапанека и многие другие вышли встречать нас к селению Уэшоцинко. Многие из индейских вождей плакали и говорили Кортесу: «Ох! Малинче⁹, Малинче, нас глубоко печалит твое горе, смерть стольких твоих и наших братьев! Сколько раз мы советовали тебе не доверять мешикам! Ну что же, теперь нам остается лишь лечить ваши раны и укрепить вас доброй пищей. Считайте же себя у нас как на родине; отдохните,

⁹ Иногда в индейских хрониках индейскую жену Кортеса звали Ла Малинче, в то время как самого Кортеса часто звали Малинче вслед за ней.

сколько нужно, а там обоснуйтесь в городе Талашкале. Но из-за беды не умаляйте своего дела. Вырваться из неприступного Мешико – подвиг, и если раньше мы завидовали твоей храбрости, то теперь завидуем ей еще больше. Конечно, многие из нас, особенно женщины, оплакивают своих погибших мужей, братьев, сыновей, что были с вами, но не слишком огорчайтесь их слезами и воплями!»

– А что же вы делаете здесь, с таким большим отрядом?

– На сборе мы решили отплатить мешикам за убийство товарищей и утвердить свою славу в этих землях. Собрали экспедицию, целью которой намечены два индейских города на побережье озера – Шаласинго и Цаоктлан. Капитаном назначен я. Со мной отряжены двести солдат, двадцать всадников и двенадцать арбалетчиков, в основном из «первого призыва», и около тысячи талашкаланцев. Вчера мы должны были выйти к стенам Шаласинго, но наткнулись на мертвую деревню и решили обойти. Зрелище чудовищное, но это позволило нам повеселиться на вполне законных основаниях.

– В каком смысле?! – не понял Ромка.

– Для защиты от миазмов доктор предложил наматывать на лицо шарфы, пропитанные алкоголем. Не знаю, спасает ли от болезни, но если вдыхать вино через нос, оказывается, пробирает ничуть не хуже, чем если пить. И мысли грустные из головы выветриваются. – Сандоваль улыбнулся и икнул.

Только тут Ромка заметил, что капитан изрядно пьян, и сообразил, отчего в последний час его преследует запах местного кактусового вина. Или пива? Никто особо не думал, к какому роду напитков отнести забродивший сок, который местные называли «пульке».

– Мой слуга, – молодой человек оглянулся, отыскивая меж гребней морионов русую голову Мирослава, – придумал в маску из тряпицы песка насыпать и заворачивать. А потом сдабривать водицей. Для густоты.

– А это мысль. – Сандоваль хлопнул Ромку по плечу. – Надо бы и нам... Сейчас распоряджусь.

– Так можно и от вина не отказываться, вместо воды. Так надежнее будет.

Сандоваль чуть отстранился и внимательно взглянул на Ромку:

– Узнаю дона Рамона, вечного остроумца и придумщика.

– Да ладно вам... – смутился Ромка.

– Нет, правда. Дон Рамон, у меня к вам... Даже не знаю как сказать. В походе на мешиков и в уличных боях вы показали себя отличным пехотным капитаном. Не согласитесь ли вы возглавить батальон на время экспедиции, а потом вернуться вместе с нами в Талашкалу?

Польщенный Ромка зарделся.

Капитан-генерал сидел в огромном зале дворца правителя Талашкалы – Шикотенкатля Старого, задумчиво покусывал кончик гусяного пера и улыбался.

Сегодня произошли сразу два замечательных события. Во-первых, вернулись гонцы из Вера Крус и принесли добрую весть. Город стоит незыблемо. Все запасы пороха, провизии и оружия, что могли собрать по складам и скупить у торговцев, хлынувших на побережье, отправлены обозом и скоро придут. Кроме того, к причалам неожиданно пристали несколько судов. Небольшой корабль с Кубы под командой Педро Барбы привез тринадцать солдат, двух лошадей и большое количество писем на имя Нарваэса. Губернатор Кубы Диего Веласкес до сих пор пребывал в твердой уверенности, что Нарваэс арестовал Кортеса и теперь заправляет всей Новой Испанией. В нескольких пространственных реляциях он просил прислать капитан-генерала, если он жив, в цепях и под охраной. Еще он просил переправить на Кубу наиболее видных его сподвижников, чтоб он мог их переправить дальше, в Испанию, как то ему предписал дон Хуан Родригес де Фонсека – епископ Бургоса, архиепископ де Росано, президент Королевского совета по делам Индий.

Кортес нехорошо усмехнулся. Веласкесу было б гораздо лучше, если б капитан-генерал никогда не предстал перед Королевским советом.

Когда адмирал Педро Кабальеро, принявший нелегкий пост от безвременно почившего доблестного Хуана де Эскаланте, заметил корабль, он сейчас же сел в шлюпку, якобы приветствовать вновь прибывших, взяв с собой значительное количество хорошо вооруженных людей. На вопрос Педро Барбы о Нарваэсе и Кортесе он ответил: «Сеньор Панфило де Нарваэс здоров и в отличном виде, он богат и всеми почитаем, а вот Кортес с шайкой из двух десятков людей шатается по всей стране». Затем он пригласил Барбу высадиться и поселиться неподалеку в прекрасных условиях. Тот с удовольствием согласился, но как только они пристали, капитан корабля и его сопровождающие были окружены, и Педро Кабальеро объявил: «Сеньор, вы арестованы по повелению капитан-генерала Кортеса!» У прибывших отобрали оружие вплоть до кинжалов, правда, обращались при этом почтительно. С каравеллы сняли паруса, такелаж, руль и компас. Все это тоже было отправлено в Талашкалу. Кортес встретил Педро Барбу, давнишнего своего приятеля, с отменным почетом, назначил его капитаном арбалетчиков и из разговора с ним узнал, что ожидается еще другой снаряженный Диего Веласкесом небольшой корабль с Кубы со съестными припасами.

Флотилия, отправленная с Ямайки Франсиско де Гараем для устройства колонии в районе Пануко, подверглась жестокому нападению индейцев и была почти полностью разгромлена. Выжившие под градом стрел и копий, не успев даже захватить припасов, смогли погрузиться на один корабль и вдоль побережья доплыть до Вера Крус. Многие из шестидесяти спасшихся были больны и направились на попечение лекаря, но двадцать самых крепких мужчин оказались вполне способны держать оружие.

Вскоре прибыл и еще корабль с Ямайки. Его послали на выручку капитану Пинеде, и он дошел до дельты реки Пануко, но, найдя там только остатки сожженных кораблей и следы лагеря, повернул, следуя рассказам индейцев, на юг и тоже бросил якорь в Вера Крус. С ним прибыли пятьдесят человек и семь лошадей. Через несколько дней еще одна каравелла с сорока солдатами, десятью лошадьми, военными припасами и провиантом, не найдя на реке Пануко живых, взяла курс на Вера Крус.

Сеньор Кабальеро, не вдаваясь в подробности, объявил, что испанцам нужна помощь. Упаковал на подводы съестные припасы, оружие, корабельную оснастку, разбил прибывших солдат на батальоны, назначил капитанов и отправил к Кортесу, который сидел в своем логове, как паук, чувствуя вибрации нитей судьбы. Еще немного, и его армия восстановится до тех размеров, что обеспечили ему люди Нарваэса. А это сила!

Получив и сопоставив все данные, капитан-генерал нанес на карту расположение союзных и вражеских отрядов. Охранные стрелки, обозначавшие испанцев, стягивались к столице Талашкалы, образуя вокруг нее мощный кулак. Синие, хоть их было заметно больше, жались к берегам озера. Кортес сгреб со стола клочок пергамента и долго с наслаждением мял.

– Вот вам карта Мешико, – воскликнул он, отшвырнул в угол скомканный листок и, не снимая сапог, завалился спать.

Утром его разбудил посыльный с еще более радостным известием – к городским воротам прибыл караван из более чем восьмидесяти талашкаланцев при восьми раненых и хромых лошадях, навьюченных золотом и серебром из «королевской пятины», которую вручил им Кортес. Как они прорвались сквозь вражеское войско, знал только Господь Бог.

А перед капитан-генералом встал мучительный выбор. Написать в письме-реляции королю, что золото спасено? Смолчать и поделить между солдатами, отдав часть гостеприимной Талашкале? Припрятать до лучших времен?

Королевский чиновник Гонсало Мехия, который отделил пятину и составил акт, что большего спасти нельзя, мертв. Солдаты, повязанные круговой порукой, будут молчать как рыбы, боясь наказания.

Кортес обмакнул перо в хитрую чернильницу, сделанную в виде черепа ребенка, а может быть, и из настоящего черепа, и вывел каллиграфическим почерком на желтоватом листе гербовой бумаги:

«Еще, Ваше Королевское Величество, с прискорбием сообщаю Вам, что часть золота, собранная в моем походе по Новой Испании, была утеряна во время...»

К невысоким стенам городка Шаласинго карательный отряд подошел к вечеру того же дня. Незнакомый капитан из итальянцев, назначенный на командование арбалетчиками и косо поглядывающий на сеньора Вилью, выскочку, сразу получившего под свое командование сотню мечников, предложил атаковать с ходу. Ромка и Сандоваль воспротивились. Отослав не в меру горячего командира с лошадьми и обозом подальше в лес, они расположились на ближайшем холме и стали разглядывать лежащий как на ладони город.

– Дон Рамон, предлагаю вам со своим батальоном стать вон за той рощей, на выходе из главных ворот. Вторая сотня, ею пока командует Берналь Диас дель Кастильо, справный рубака из солдат, заходит от малых ворот в дальнем конце, преодолевает стену и с шумом и криками двигается к большим. Мешики вряд ли решатся принять бой на улицах, где им не развернуться, и будут отступать к площади, рассчитывая навалиться всей силой. А на этом холме мы поставим стрелков...

– Погодите, дон Гонсало, – прервал его Ромка. – С этой позиции в темноте стрелки могут попасть по своим. А наш горячий капитан и вовсе наделает каких-нибудь глупостей. Да и вы с кавалерией будете не у дел.

– Наверное, вы правы, – поскреб небритый подбородок Сандоваль. – Но как тогда поступить?

– Поделим батальон Диаса на две колонны. Каждой придадим по полдюжины стрелков, и пусть они просочатся в город справа и слева от ворот. Талашкаланцы же пускай поднимают в лесу шум и ломятся в ворота. Мешики убоятся и станут отступать к площади, как вы и предрекали. Испанцы пойдут за ними по пятам, разя отстающих стрелами. На улицах прикрываемые щитами пехоты арбалетчики вполне могут нанести большой урон. Враг долго не выстоит и, скорее всего, открыв ворота, попытается укрыться в лесу. Я развернусь во фронт и приму их на мечи, а вы вот из-за того холма, – он показал пальцем, – клином вспорете их массу и разрежете пополам. Если кто-то рискнет вернуться в город, попадет на Диаса, который к тому времени займет дальнюю часть площади.

– Ну, дон Рамон... – восхищенно протянул Сандоваль. – Полностью с вами согласен, пойдемте донесем ваш план до остальных.

Кристобаль де Олид уселся на поваленный ствол и стянул с головы тяжелый морион¹⁰. Бросил его на землю и вцепился пальцами в побеленные временем и невзгодами виски. Люди Нарваэса, вообще неохотно шедшие в бой, при виде стен Ицокана, которые им придется штурмовать, трусили и потребовали вернуться. Как ни уверял их капитан, что обстоятельства складываются выгодно для натиска, как ни настаивали старые солдаты Кортеса, людей Нарваэса было много больше. Что же делать? Отходить к Чоуле и писать слезное донесение Кортесу? Не смог, не справился, не оправдал? Нет, такого позора он не переживет.

Олид поднялся на ноги и вернулся в лагерь. Легко, как в молодости, вспрыгнув на лошадь, он выдернул из ножен меч и, надсаживая связки, закричал:

– Друзья! Многие битвы мы прошли вместе. – Он обращался в основном к ветеранам похода. – Много пережили. Многих потеряли. Но никогда... – Он выдержал томительную для

¹⁰ Испанский шлем с высоким гребнем и полями.

слушающих паузу. – Никогда не отступали перед лицом врага, каким бы грозным он ни казался. И сейчас мы не повернем назад!

– Не повернем, не отступим! – донеслись редкие одобрительные выкрики из внимающей ему толпы.

– Мы пойдем в бой! А кто захочет остаться, – как острие рапиры воткнул дон Кристоаль суровый взгляд в группу вызывающе подбоченившихся «богачей с Кубы», – пусть их судьбу решает сам Кортес.

– Уж он-то на расправу скор! – донеслось из толпы. – Он повесит трусов! Смерть предателям!

– Вперед, друзья мои, – крикнул Олид. – За мной!

Развернув коня и не оглядываясь, помчался он к открытым воротам не ждущего нападения городка. Несколько всадников из старой гвардии вскочили в седла и бросились нагонять капитана. Десяток арбалетчиков схватили оружие и побежали следом. За ними тяжело потрусили два десятка меченосцев. Чуть правее стала разворачиваться в походную колонну тысячная армия талашкаланцев.

Солдаты из людей Нарваэса помялись нерешительно, оглядываясь на группу заводил, наблюдающих за атакой с брезгливым интересом. Потом по одному, маленькими группами и наконец сплошным потоком бросились за Олидом.

Замершие на холмике «богачи с Кубы», только что выглядевшие гордыми и надменными победителями, навязавшими старому рубака свою волю, поникли, осунулись и поспешили убраться под сень могучего леса. От былой спеси не осталось и следа.

Колонна испанцев под командованием дона Рамона де Вильи потоком раскаленного металла стекала с холма. Лунные блики играли на обнаженных клинках, высвечивали поблескивающие глаза в узких щелях меж козырьками шлемов и пропитанными вином платками.

Ромка спускался осторожно, стараясь не поскользнуться на влажной траве и придерживая нагрудник, чтоб не бил по ребрам. Молодого дона разбирало пьянящее веселье. Друзья, почетная должность, скорая, почти гарантированная победа – что еще нужно молодому сердцу для счастья? А вот и конец склона. Теперь перебежками до того леска и подождать, пока Диас и капитан выведут солдат на исходные позиции.

Оглядывая своих людей, Ромка с теплом вспоминал тех, кто бился рядом с ним на реке Табаско, пробирался по горным отрогам в Талашкалу, держал ворота во время резни в Чоуле, рубился на дамбах. И Мирослав, так таинственно пропавший и так вовремя появившийся во время боев за Мешико... Вон, сидит под деревом, мрачный и сосредоточенный, как всегда.

До чутких ушей молодого капитана донеслись крики и гул. Индейцы и люди Диаса достигли намеченных точек и развернулись для атаки. Город проснулся и засуетился. Послышались крики, топот босых ног и протяжные звуки мешицких свистков. Какие именно трели выводили командиры и к чему призывали гарнизон, за общим гвалтом было не разобрать.

За невысокой, в два человеческих роста, городской стеной что-то полыхнуло и с треском обрушилось. Крики усилились. К небу потянулись языки пламени. Вот ведь строители, пожегся Ромка, вспоминая, как чесался ожог на спине, полученный во время случайного пожара в одной местной деревеньке в дни первого похода на Мешико. Чуть тронь светильник, он упадет на пол, огонь перекинется на стены, на крышу. И пошел гулять от дома к дому красный петух.

Да ты Москву вспомни, за два года пять раз чуть не дотла сгорала, одернул он сам себя и обратился в слух, силясь понять, что же все-таки там происходит. Большой битвы не было. Скорее короткие стычки, но кто кого побеждает, было не разобрать. Занялось в другом конце городка. Веселые огоньки запрыгали с крыши на крышу. Но от лихих ли действий испанцев или по неосторожности увальня-индейца начался пожар, поди разбери. Еще одно здание обруши-

лось, взметнув вверх фонтаны белесой пыли и снопы искр. Что-то бухнуло. Раздались какие-то команды, а может, и крики убиваемых. Или сгорающих заживо. И снова свистки. Свистки. Свистки...

Ромке стало казаться, что его план с треском провалился. Совсем недавно узнавшие, что «посланцы богов с востока» смертны, индейцы могли организовать сопротивление, навалиться числом. Что же делать? Идти на выручку погибающим испанцам? Снести ворота и ворваться в город? А если мешики добивают последних из его товарищей? Если они готовы всей силой повернуть оружие против его казавшейся теперь такой жалкой горстки воинов, каждый из которых и так был не единожды ранен? А если все идет по плану и надо только немного обождать? Тогда, даже если не увязнет в городе и не потеряет в бою своих людей, как будет он выглядеть в глазах товарищей? Как трус, паникер и нарушитель собственного плана?

Мирослав! Вдруг что посоветует? Ромка посмотрел на воина, но тот только развел руками в ответ на его невысказанный вопрос. Он тоже не знал, как поступить. Или не захотел соваться не в свое дело? Или решил проучить зарвавшегося юнца? С Мирослава станется.

Ромка мучился выбором. Он то готовился отдать приказ выступать, то загонял обратно готовые сорваться с губ слова. Поднимал руку для сигнала и, не донеся до надобной высоты, делал вид, что поправляет шлем. Карамба!!! Изнутри в ворота ударили чем-то тяжелым. Створки разлетелись, как крылья бабочки от дуновения ветерка. Полыхнуло пламя, делая арку ворот похожей на раскаленное жерло печи. Хлынули из пекла на вытопанную перед воротами площадь толпы голых кричащих людей. Следом за ними вырвались длинные гудящие щупальца пламени. Вытянулись над морем черных голов, выхватывая то одного, то другого. Запахло паленой псиной.

Ромкин план сработал. Теперь его очередь действовать.

– Вперед! – заорал молодой человек, выхватывая шпагу. – Сантьяго!¹¹

Оскальзываясь на выпирающих из земли корнях, он добежал до опушки и остановился. Еле пришедшие в себя индейцы в недоумении уставились на одинокую фигуру, выросшую на краю леса.

– Сантьяго!!! – взревела за его спиной сотня луженых глоток.

Ромка надеялся, что ошарашенные ночным нападением индейцы кинутся врассыпную, но этого не произошло. Один поднял дубину, указывая на приближающийся строй конкистадоров, что-то закричал и рванул навстречу надвигающейся волне. За ним побежали остальные, даже женщины и подростки. Стариков и детей среди вырвавшихся из города не было, они просто не смогли убежать от огня.

Коричневая волна, увенчанная черными барашками развевающихся волос, нахлынула на серо-стальную. На миг похоронила ее под собой и откатилась обратно, оставив после себя кровавый след. Еще одна самоубийственная атака, которую монолитный испанский строй встретил в мечи. Снова откат. И снова дикий, отчаянный навал даже не прикрытых ватными доспехами тел.

За спиной мешиков из рвущегося наружу пламени один за другим выбегали солдаты Диаса и строились в боевой порядок. В пылу жаром доспехов, с прокопченными лицами и воспаленно горящими глазами они напоминали вырвавшихся из преисподней демонов. Сбоку послышался нарастающий топот кавалерии Сандовалья. Двадцать всадников – это сила, Кортес покорила Мешико и вассальные города-государства с шестнадцатью.

Отчаяние придало мешикам сил. Они бросились на разящие мечи. Навалились, продавили, разорвали строй. Вокруг Ромки закипели разрозненные схватки. На молодого человека напали два рослых индейца, почти одновременно обрушившие на его щит тяжелые дубинки. Заскрипели, тупясь об железо, осколки вулканического стекла. Левая рука онемела. Чтоб не

¹¹ Боевой клич конкистадоров.

попасть под вторую дубинку, Ромка кинулся вперед, боднув замахивающегося гребнем шлема в живот. Тот захрипел, пытаясь вдохнуть обратно выбитый из груди воздух, и стал складываться пополам. Дубинка второго мешика, метившего в Ромкину голову, треснула первого по затылку. Капитан отмахнул шпагой и почувствовал, как клинок тонет в упругом и податливом одновременно. Мешик взвизгнул тонко, по-бабьи и исчез из поля зрения.

Крепкие пальцы сомкнулись на Ромкином предплечье, побежали вниз, стараясь дотянуться до шпаги. Ромка ударил с разворота. Оттолкнул. Добавил ребром кулака и пнул ногой падающее тело. Замахнулся на невысокого юркого мешика, держащего наперевес тяжелое копье, но заблокировать не успел. Все? Нет. Копейщик ткнулся лицом в траву. Мелькнул невдалеке плащ Мирослава, объясняя все.

Что-то широкое и теплое надвинулось на него из темноты. Ромка поднял голову и увидел роняющего с недоуздка слюну, косящего лиловым глазом жеребца, на котором свечкой восседал сам Гонсало де Сандоваль.

Отсалютовав мечом, он пустил коня в галоп, догонять разбегающихся мешиков. Следом пролетели еще три черных на фоне разгорающегося пожара силуэта.

Подошел Мирослав, упер в землю короткое, ухватистое древко подобранного копья со стеклянным листообразным лезвием в аршин длиной.

– Страшная штука, – спокойно, даже как-то буднично проговорил он. – Хошь коли, хошь руби. Злее алебарды будет.

– Ага, – кивнул головой Ромка, не слушая. Он смотрел, как солдаты сгоняют пленных в одну большую трясущуюся кучу.

– Напали на Шаласинго?! – обычно спокойный Куаутемок вскочил с высокого трона. – Уничтожили гарнизон?!

Гонец и случившиеся в зале жрецы – один невысокий пухлый мужчина в кроваво-красной накидке, верховный жрец храма бога войны Уицлипочтли, второй, худой и быстрый в движениях из храма божества преисподней Тескатлипоки – в ужасе распластались на полу. При недавно убиенном Мотекусоме за плохие новости обычно не казнили, но кто может знать, какие порядки наведет во дворце рука нового правителя. Будто исчерпав все силы в одном крике, Куаутемок упал обратно, заворочался, устраиваясь поудобнее, и подпер голову рукой.

– Как? – вполголоса спросил он себя. – Как горстка израненных, умирающих людей могла отважиться на такое? Даже если им помогали эти драные птенцы белоперой курицы – талашкаланцы¹².

Выходит, не ввали легенды? Есть в *teules* что-то божественное? Какая-то неведомая сила? Но опускать руки нельзя. Надо бороться. Надо изловить и наказать этих белых демонов. Иначе те, кто возводил его на престол, могут без помощи пришельцев отправить его, Куаутемока, вслед за несчастным Мотекусомой. Взмахом руки он отпустил перетрусивших жрецов и велел подать бумаги, чернил и расщепленных палочек. Его планы лучше складывались, когда он записывал и зарисовывал свои мысли. В этот раз из-под его руки выходили все больше очертания длинных ножей и силуэты склянок с ядом.

Присланный Сандовалем вестовой чуть свет разбудил дрыхнувшего под кустом Ромку и велел прибыть к капитану. Молодой человек сладко потянулся, разгоняя кровь по затекшим мышцам, потер глаза, выпил из фляги тепловатой воды, пожевал пучок травы для очистки зубов, подхватил с земли нагрудник и, на ходу застегивая ремешки, двинулся вслед за испанцем.

¹² Герб Талашкалы – распростертый белый орел.

Капитан поджидал его у сгоревших городских ворот в полном боевом вооружении. За стеной что-то потрескивало и рушилось. Ветер приносил из города жирные хлопья сажи, которые оседали на голых плечах захваченных ночью индейцев. Те боязливо жались к теплой стене под охраной четырех арбалетчиков и четырех меченосцев.

– А вот и дон Рамон, – улыбнулся Сандоваль, завидев плечистую фигуру молодого человека. – Только вас и ждем.

– Приятно слышать. – Ромка коротко кивнул стоящим рядом Берналю Диасу, итальянскому капитану, которому давеча спас жизнь, и несколькими угрюмым усачам, наверное сержантам.

– Итак, – продолжал капитан. – Нам необходимо осмотреть город.

– А нельзя подождать, пока там все поостынет? – грубовато спросил Диас. Вояка не отличался склонностью к политесу.

– Ждать некогда. Вокруг мешикские гарнизоны. Мы попытались переловить всех, кто выскочил за ворота, но ночью кто-то мог сбежать и предупредить. Засиживаться тут опасно.

– Так, может, вообще не пойдем, вряд ли там есть кто-то живой? – сказал капитан стрелков, но Сандоваль и Диас ожгли его такими взглядами, что тот смутился.

Ромка понял, что конкистадоры рассчитывали не только на победу, но и на пожизну и осмотр выгоревшего за ночь города был затеян только ради этого. Чтоб не повредить лошадям ноги, испанцы решили идти пешком. Взяв пять арбалетчиков и десять меченосцев, Сандоваль, Ромка и Диас (горячего капитана решили оставить в охране) прошли каменную арку и очутились на главной улице. По обеим сторонам возвышались прямоугольные многоэтажные дома, когда-то белые, а теперь в следах черной копоти. Сквозь провалившиеся крыши в окнах виднелось голубое небо. Обугленные края занавесок печально колыхались на ветерке, словно оплакивая хозяев. Внутри потрескивали остывающие головни. Живых в ночном пожаре, похоже, не осталось, даже собак и домашней птицы не было слышно. Не тратя времени попусту, конкистадоры направились к главному си, возвышающемуся посреди селения.

Пирамида была достаточно высокая, но какая-то нелепая. До середины ее стены имели один угол наклона, а потом он резко изменялся на другой, более пологий. Видимо, строители спервоначалу не рассчитали наклона, а может, просто не хватило каменных блоков, и им пришлось сводить строение к вершине раньше. Приказав солдатам оставаться снаружи, капитаны поспешили внутрь храма. Его убранство ничем не отличалось от десятков виденных Ромкой в последний год. Небольшая комнатка, в центре жертвенный алтарь, утопленный в неглубокой, выложенной белым камнем чаше с небольшими круглыми отверстиями. Прямо за алтарем статуя божества. Плосконосый уродец с вываленным поверх набедренной повязки животом, широким носом и ощеренной пастью зло пучил на них каменные глаза. Его шею и бедра увивали гирлянды из подсохших цветов. Весь пол завален разноцветными лепестками, источающими запах цветов пополам с ароматом тления.

Чертыхаясь и богохульствуя, Сандоваль и Диас стали рыться в завалах вокруг алтаря, сбрасывая мусор на запятнанный бурым каменный пол. По мере того как мусора становилось меньше, проклятия и ругательства звучали громче. Что фигура сделана из камня, было совсем не удивительно, идола из золота стояли только в крупных храмах столицы и больших городов вроде Чоулы, рассчитывать найти такое богатство в маленьком Шаласинго вряд ли стоило. Но здесь совсем отсутствовали и маленькие золотые фигурки, в изобилии украшавшие алтари других храмов.

– А может, наверху посмотреть? – предложил Ромка, чтоб перевести в другое русло жадность и злость конкистадоров, потерявших в «Ночь печали» почти все добытое ранее золото. Те встрепенулись, замолчали и чуть не наперегонки бросились вверх по узкой лестнице.

Молодой человек, придерживая бьющие по голени ножны, двинулся следом. Выбравшись через узкий люк на верхнюю площадку, он застал соратников, в молчании склонившихся над

жертвенным камнем. Сделав несколько шагов, он заглянул через их плечи. На щербатом от многочисленных ударов ножа, буром от пролитой крови камне лежали конская сбруя, располщенное седло, пара стилетов и части одежды явно испанского происхождения.

Сандоваль скрипнул зубами, развернулся и, отодвинув Ромку плечом, прыгнул в люк. Снизу донеслись его торопливые шаги, сопровождаемые позвякиванием шпор.

Ромка с Диасом переглянулись и поспешили вслед за капитаном. Когда, протиснувшись мимо идола, они вышли на улицу, солдаты встретили их недоуменными взглядами.

– Куда он делся? – спросил Диас.

– Велел дожидаться вас да все тут осмотреть, а сам в лагерь побежал. Да так, будто за ним черти гнались, – ответил один.

– Ну, велел так велел, – пожал плечами Берналь. – Пойдемте, дон Рамон?

Обойдя храм с другой стороны, они снова оказались на главной улице и вскоре были у городских ворот. С поляны за стеной доносился шум, толпа гудела. Слышались выкрики, смешки, но в общем гуле разобрать, что происходит, было решительно невозможно. Ромка прибавил шагу, Берналь с солдатами поспешил следом. За воротами они увидели, что испанцы собрались в большой круг и внимательно наблюдают за происходящим внутри периметра. На правах капитана Ромка грубо ввинтился в толпу и вскоре оказался в первом ряду. В самом центре образованного людьми круга, на вытоптанной множеством ног траве была установлена большая деревянная колода. На ней лицом вниз лежал индейский юноша со связанными за спиной руками. Двое солдат всем весом навалились ему на плечи. Неподалеку горел костерок, рядом с которым на корточках сидел один из мрачных усачей. Он протягивал прямо в огонь длинный железный прут с грушевидным утолщением на конце. Сначала Ромке показалось, что он жарит собачью ногу, но, приглядевшись, понял, что на палке не кусок мяса, а какой-то железный набалдашник, постепенно раскаляющийся докрасна. Зачем?

Усач медленно распрямился и поднял палку повыше, стало видно, что на конце горячо алеет буква G. Guerra, – ахнул кто-то рядом. Война! Палач поднес раскаленное железо к плечу юноши. Тот задергался, но не смог вырваться из цепких лап держащих его солдат. Закричал. Алая буква прикоснулась к бронзовой коже, раздалось шипение. Крик юноши перешел в визг. Палач отнял клеймо от тела, спихнул индейца ногой с колоды прямо в траву и повернулся к солдатам:

– Тащите следующего!

Глава третья

К вечеру отряд конкистадоров во главе с Сандовалем и Ромкой подошел к величественным стенам Талашкалы. Если раньше окрестности города напоминали пасторальный пейзаж кисти флорентийского мастера, теперь они были похожи на огромный муравейник. Повсюду горели костры, что-то куда-то волокли, обнаженные туземцы поблескивали потными спинами в кузнях, столярных и канатных мастерских. Меж ними сновали женщины с корзинами еды и кувшинами воды. Повсюду бегали дети, норовя то помочь взрослым, то что-нибудь стянуть под шумок. Поодаль тысячи индейцев под командованием испанских капитанов валили деревья в вековых рощах, рубили сучки и распиливали на доски на специальных рамах, явно устроенных испанскими инженерами. Другие обвязывали доски веревками и тащили волоком к построенным у городских стен... Верфям? В этой почти горной местности?

Ромка сморгнул пару раз – не морок ли? Нет, глаза его не подвели. За многие лиги от морей, озер или даже больших рек по всем правилам кораблестроительной науки были построены четыре стапеля. На двух поблескивали свежим деревом пузатые, не смоленные еще борта кораблей. Два других топорщились необшитыми рангоутами, напоминавшими китовые скелеты. По всем четырем сновали туда-сюда крохотные фигурки. На блоках и на руках поднимали связки бревен, ящики с инструментом и гвоздями, бухты канатов местной выделки. Под белые полотняные навесы стаскивали сундуки с оснасткой, вкатывали пушки на свежеструганных лафетах, надрываясь, тащили корзины с ядрами. В огромных котлах варилась какая-то смрадная гадость, которую высокие, до черноты закопченные талашкаланцы, а может, и привезенные из-за моря эфиопы помещивали баграми. Наособицу, чтоб не ужалила случайная искра, сносили пороховой припас.

– Кортес поставил на командование Мартина Лопеса. Прекрасный инженер и воин отменный. Он тут все и организовал, пока высоколобые гранды писали реляции в Королевскую аудиенсию на Сан-Доминго, – прокомментировал ехавший рядом Сандоваль, явно довольный произведенным на молодого человека эффектом.

Ромка только хмыкнул в ответ. Писарей и прочих грамотеев он любил и уважал, а вот писак, добывающих себе богатство пером, а не шпагой, терпеть не мог. На одном из недостроенных кораблей поднялась суматоха, послышались крики, свист, натужный скрип. Медленно-медленно поднялась над бортами грот-мачта и распустила по ветру паутину рангоута. Долетели до уставших солдат радостные крики. Конкистадоры из Ромкиного отряда ответили им радостным воплем, подбрасывая вверх тяжелые шлемы.

За четверть лиги до города в колонне поднялась какая-то суматоха. Крики и ругань заглушил топот босых ног. Завидев гостеприимно распахнутые ворота родного города, идущий в арьергарде отряд талашкаланцев потерял всякую дисциплину. Как угорелые бросились они вперед, с обеих сторон обтекая добродушно улыбающихся в отросшие бороды испанцев. У Ромки в груди засвербело от радостного предчувствия встречи. Как же давно он не видел мужественного Кортеса, лихого Альварадо, рассудительного де Олида, старого доброго дона Диего, касиков Талашкалы, которых никак не мог запомнить по именам, но успел проникнуться к ним самыми теплыми чувствами. Раскрытые ворота сулили также еду, отдых, возможность смыть с себя грязь и кровь, накопившиеся за несколько недель лесной жизни.

– Странно, – вторгся в его мечты голос Мирослава.

У Ромки неприятно похолодело в затылке. Обычно воин держал мысли при себе и если уж решил привлечь его внимание...

– Что странно? – не оборачиваясь, спросил молодой капитан.

– Встречи нет. Раньше-то с цветами и ананасами, хоть и не знали нас. А теперь вон никого. И стражник при вратах один всего.

– И верно. – Только сейчас молодой человек заметил отсутствие движения на обычно многолюдных стенах.

Что-то неладное почувствовали и другие конкистадоры. Их прокопченные южным солнцем лица подобрались, губы поджалась, на скулах камнями напряглись желваки. Забряцало оружие. Заскрипели натяжные машинки арбалетов. Ромка положил руку на эфес шпаги и проверил, хорошо ли она выходит из ножен.

– Как думаешь, что там? – вполголоса спросил он Мирослава. – Опасно ли?

– Посмотрим, – ответил воин, одергивая стеганный индейский панцирь без рукавов, надевший прямо на голое тело.

Ворота миновали без приключений. Прямо за ними – никого. Только несколько сытых городских собак развалились в тенике под стенами, вывалив розовые языки.

Молодой человек различил в наступающих сумерках процессию,двигающуюся к самому большому храму. Люди, одетые в одинаково черные длиннополые одежды, раскачивались в медленном ритме заунывной туземной песни. Лишь изредка колыхались на легком ветерке длинные одеяния. Больше никаких звуков, только где-то тихонько напевала женщина, укачивая младенца. Весь город замер, словно в предчувствии беды.

Конкистадоры остановились в нерешительности, недоуменно поглядывая на одинокого часового на привратной башне. Но тот не обращал на них никакого внимания.

– А где все? – спросил Ромка в тишину.

Тишина в ответ промолчала. Не выдержав, Сандоваль дал шпоры жеребцу и помчался вперед. Грохот копыт по каменной мостовой ударился о стены и вернулся тысячекратно усиленным эхом. Привычные к тяготам и ужасам военной жизни, люди вздрогнули, кто-то ругнулся вполголоса, кто-то потянулся за оружием. Ромка утер рукавом обильно выступивший на лбу пот. Не доскакав до задних рядов саженой пятидесяти, дон Гонсало остановил коня и перышком слетел на мостовую. Придерживая меч, побежал вперед. Ввинтился в черную толпу и пропал. Его жеребец побрел по свободной улице, с неудовольствием обнюхивая пыльную мостовую. Ромка кинул взгляд на дона Лоренцо Вала, так звали флорентийца, но тот не отрывая глаз глядел на процессию. Посмотрел на Берналя Диаса, тот одобрительно кивнул головой. На Мирослава. Тот безучастно разглядывал верхние этажи соседних домов. Ну что ж, так тому и быть. По знатности происхождения, на время отсутствия Сандовала, он становился главным капитаном в отряде. Отдать приказ взять оружие на изготовку? Построиться в боевой порядок?

Ромка уже собрался отдать какой-нибудь приказ, как из толпы появился Сандоваль. Добежал до коня, взлетел в седло и поскакал обратно с лицом отрешенным и печальным. Остановив жеребца перед отрядом, он спрыгнул на землю и, дав знак следовать за собой, повел коня под уздцы в сторону казарм, где конкистадоры квартировали в прошлый приход в Талашкалу.

Ромка поравнялся с капитаном. Несколько минут они шли молча, плечо в плечо. Молодому человеку не хотелось спрашивать, что стряслось, а Сандоваль не спешил говорить. Наконец он разлепил тонкие блеклые губы:

– Машишкацин умер, – проговорил капитан. – Оспа. Скорбят всем городом.

– Жаль! – вздохнул Ромка, вспоминая крепкого веселого воина с седыми висками и шрамом от брови до подбородка, оставленным мешикским мечом еще в молодые годы.

– Кортес уверяет, что он как будто потерял отца, – не слушая Ромкиных соболезнований, продолжал Сандоваль. – Все, кто может ходить, облеклись в черные плащи и всячески стараются почтить усопшего и его сыновей.

– У него ведь трое? – вспомнил Ромка.

– Трое. Кортес велел отдыхать, а с рассветом быть у него. Надо спор промеж наследниками Машишкацина решить, чтоб не передрались, да определиться на будущее.

– Дон Гонсало, распорядитесь маски повязать. Мор!

– Да, дон Рамон. Конечно!

Взмахом руки велел телохранителям остаться в зале, Куаутемок вышел на широкую террасу дворца Мотекусомы – он никак не мог привыкнуть считать дядины покои своими. Зайдя в тень, отбрасываемую статуей крылатого ягуара, облокотился на широкие белокаменные перила и всмотрелся в даль. Взгляд его темных, глубоко посаженных глаз буравил горы на востоке, за которыми лежала ненавистная Талашкала.

Teules не отступят. С попустительства Мотекусомы они уже один раз поразили империю в самое сердце – захватили столицу. Не насмерть, но рана была тяжелая и кровоточит до сих пор. Правитель оглядел разрушенные здания, словно корни гнилых зубов, зияющие в ровных рядах улиц, развалины дворца Аяшокатля, горелые проплешины в зелени городских садов, разбитые фонтаны и покачал головой.

И откуда в пришельцах столько силы, что многотысячные армии не могут им противостоять?! Ведь, как оказалось, и они смертны. И их ужасные соратники о четырех ногах и длинных хвостах тоже. И спящие чугунные трубки, которые ни жрецы, ни маги так и не смогли разбудить, вполне по силам одолеть воде, огню и копьям. Может, оттого, что привыкшие не к войне, а к подчинению народов мешикские воины потеряли былую сноровку? Касики-наместники разжирели, обленились и поборами своими отвратили население. Лазутчики докладывают, что со многими своими делами люди идут к teules и просят у них справедливого слова.

Когда пришельцы будут изгнаны, а Талашкала снова усмирена, а еще лучше завоевана, он лично проедет по всем подвластным странам и призовет наместников быть честными и справедливыми. А если не послушают – отправятся на корм храмовым животным. И те, кто придет на их место, тоже отправятся, и так до тех пор, пока не научатся. Да, снова вздохнул он, многое еще придется сделать. Его страна паутиной накрыла земли от одной большой воды до другой. Некоторые нити так истончились, что не вибрируют, когда какая-нибудь не в меру окрепшая мушка пытается выбраться из их липкого плена. А совсем недавно не дали знать о запутавшемся в тенетах шершне, и вот результат. Он снова посмотрел на полуразрушенный город, потер свое по-стариковски морщинистое лицо. Размышления об обустройстве отечества можно отложить на потом, а сейчас его нужно спасать.

– Позвать ко мне Инатекуатля! – крикнул правитель в пустоту огромного зала. Пустота ответила испуганным вздохом – касика, начальствующего над отрядом страшных наемных убийц, боялись и не любили – и разразилась стуком сандалий по отполированному каменному полу.

Голова невыносимо чесалась под высоким убором из перьев, который повседневно носили простые талашкаланцы. Непривычного кроя одежда терла в самых неожиданных местах. Все тело чесалось от взглядов, которые, разгляди кто он есть на самом деле, тут же превратились бы во взгляды убийц.

Лазутчик Куаутемока дошел до ворот и, не заходя внутрь, свернул к рынку, раскинувшегося под крепостной стеной. В отличие от городского, здесь торговала всякая шушера. Пьяницы приносили последнее, торговки из окрестных деревень норовили всучить подпорченный товар. Иногда торговали и краденым, хотя казнь за это полагалась более чем суровая. Забравшись на придорожный камень, лазутчик оглядел рынок поверх голов и сразу заметил то, что ему было нужно.

Невероятных размеров индианка облюбовала себе место возле самой стены. Ее можно было найти там всегда, в любое время и любую погоду. Злые базарные языки поговаривали, что она уже пустила там корни. Когда-то давно, когда она была еще не так толста, иные пытались подшутить над женщиной или даже согнать ее с места, ни за чем, просто ради интереса. Но с шутниками и гонителями неизменно приключались какие-то несчастья; и женщину скоро оставили в покое. Лазутчик напустил на себя вид празднующегося талашкаланца, решив-

шего потратить впустую немного заработанных денег, и заскользил вдоль рядов. Пару раз он остановился повертеть в руках какие-то безделушки, чтоб не выходить из образа, но в целом путь его не занял много времени.

Дойдя до торговки, он уставился на выложенный товар. Тут были пучки сухих трав, шкурки животных, какие-то склянки и... Его сердце скакнуло в груди: медная вазочка со вставками из голубого стекла, привезенная сюда проклятыми teules. Стараясь не выдать охватившей его дрожи, лазутчик взял вазочку, медленно поднес к глазам, покрутил со всех сторон. Перевернув, уставился на донышко, словно разглядывая клеймо и прикрывая горлышко рукой.

– Берешь? – голос торговки был на удивление молодым и звонким. – А то перекупят, смотри. Сегодня к ней уже несколько человек приценивались. Прямо удивительно, зачем им эта штука.

Лазутчик отрицательно покачал головой. Он знал талашкаланский, но боялся, что его выдаст южный выговор.

– А раз не берешь, так нечего тут шлаться и пялиться! – голос торговки стал визгливым и противным, то есть полностью соответствующим внешности.

Посетители стали оглядываться на источник шума. Чтоб не привлекать внимания, лазутчик ссутулil плечи и поспешил подальше от этого места. Его ладонь грел плотно скатанный шарик ткани с нанесенным на ней рисунком.

Едва только Ромкина голова, еще влажная после нескольких ведер холодной колодезной воды, вылитой на него Мирославом, коснулась войлочной подушки, глаза его сомкнулись. А когда снова открылись, первые лучи солнца уже красили в нежно-розовый цвет стены дворца Шикотенкатля Старого. Он огляделся в поисках Мирослава и, не обнаружив одного, начал собираться. Пятерней расчесывая спутанные волосы, молодой человек заметил на табуретке чистую одежду – частью испанскую, частью талашкаланскую. Наверное, ее принесли вечером, когда он спал. Возможно, девушка-индианка из новых служанок доньи Марины. Их захватили при штурме какого-то города и хотели раздать капитанам, но среди них оказались дочери знатных персон из окрестных народов. В свойственной ему манере – «дипломатии клинка», Кортес решил держать их при себе, а чтоб не соблазнять солдат лишний раз, передал в услужение жене.

Молодой человек натянул на бедра короткие бархатные панталоны. Споро намотал белоснежные портянки, нарезанные Мирославом из хлопчатобумажных полотенец, натянул на них короткие кавалерийские сапоги из мягкой бычьей кожи. Поблескивая голым торсом, прошел в мыльню, ополоснул лицо в серебряной миске с водой, поскреб щеки лезвием тончайшего вулканического стекла. Улыбнулся своему отражению в зеркале из полированного серебра. Вернувшись в комнату, просунул руки в рукава белоснежной рубахи, сшитой на испанский манер, но из тончайшей местной ткани. Подпоясался алым офицерским шарфом. Приподнял за ремешок кирасу, покачал в руке и решил не надевать.

Выйдя на улицу, он задрал подбородок, подставив лицо прохладному ветерку, последнему ребенку ночи, заблудившемуся в кривых улочках, и не торопясь пошел к покоям Кортеса. Талашкаланские штандарты с изображением распростертого белого орла и расшитые золотом, с королевским гербом, крестом и девизом флаги конкисты напутственно махали ему вслед густой бахромой. Несмотря на ранний час, на улицах было оживленно. Сновали индейцы с огромными тюками на спинах. Медленно и важно, играя всеми цветами радуги на лакированных бортах, проплывали крытые носилки касиков. Вбивали подошвы сандалий в мостовую колонны суровых индейских воинов с огромными копьями. Благородные испанские доны о чем-то спорили, размахивая руками и поминутно хватаясь за эфесы тонких парадных шпаг. В кузне огромный европеец в белой пропотевшей рубахе с закатанными до локтей рукавами учил ремеслу пару абсолютно голых талашкаланцев, которые в два молота мучили какую-то многострадальную железку. Из боковой улицы вывернула группа стрелков, несущих на плечах вну-

шительного вида арбалеты. Новенькие, с не исцарапанными еще лакированными ложами. Сработаны они были тоньше и искуснее тех, с которыми его товарищи шли в бой на реке Табаско¹³. Одежда и доспехи солдат тоже выглядели по-другому. Чище, крепче, без единой вмятины или щербин. Словно и не бывали ни разу в бою. И лица были другие. Сытые. Надменные. Стрелки подозрительно осмотрели уставившегося на них Ромку, но задираться не стали.

Из обустроенной в старинном каменном доме таверны с розовым поросенком на вывеске выкинули какого-то замурзанного типа в выцветшем кафтане. Он плюхнулся на четвереньки и, не утруждая себя вставанием, быстро перебирая руками, исчез среди груд мусора, сваленных в боковой улочке. М-да, вместе с регулярными рейсами из Испании корабли привозили с собой много мусора человеческого. Нищих идалго, думавших, что разбогатеют в новых землях, пронырливых торговцев и откровенных жуликов. Обрастая всем этим, армия Кортеса теряла былую силу и сплоченность. А вот и главная лестница дворца. У подножия караул из десятка индейцев с длинными копьями, при капитане испанце.

– Гарсиа? Гарсиа дель Кастильо?! – воскликнул Ромка, узнав одного из бойцов, с которым бок о бок прошел кипящими от пролитой крови улицами Мешико в «Ночь печали».

– Дон Рамон? Вы?! Живы! – от удивления у солдата открылся рот. Он дернулся вперед, норовя обнять своего капитана, но остановился, ступешался и даже спрятал руки за спину.

– Да, Гарсиа, представь. Я, – сморгнул внезапно образовавшуюся в уголке глаза влагу Ромка и развел в сторону руки.

Гарсиа улыбнулся во весь щербатый рот и с размаху впечатал в грудную клетку молодого человека острый выступ своей кирасы. Шмыгнул носом.

Ромка сам удивился тому, сколь рад он видеть этого оборванного, битого жизнью человека.

– Дон Рамон, да как же вы...

– Извини, спешу к капитан-генералу. Когда освобожусь, найду тебя в казармах и все расскажу. А ты пока собери наш батальон.

– Немного от нашего батальона осталось живых. Я да Диего из Сарагосы, но он без ноги остался, отправили обратно, правда, с неплохим запасом золота, – вздохнул Гарсиа. – Ну да ладно, то история грустная. – Он взмахнул рукой, и заступившие дорогу неизвестному человеку талашкаланские воины разошлись в стороны.

Ромка бегом взлетел по сорока широким ступеням парадной лестницы и вошел под прохладные, теряющиеся где-то в вышине своды, провожаемый настороженными, но не злыми взглядами людей, толпившихся в анфиладе многочисленных комнат. А вот и обитая железом дверь в покои, которые вожди Талашкалы отвели под канцелярию и приемную Кортеса. Ромка остановился перед огромной, в два его роста, дверью. Откуда-то из боковой ниши вынырнул талашкаланский воин с копьём в руке и, нажав на ручку, отлитую в виде сжимающей шар лапы орла, потянул створку. Она отползла в сторону, выпустив наружу волну застарелого запаха вина, задубевшей кожи, пороха и мужского вперемешку с лошадиным пота – так любимого им запаха казармы.

Пройдя узким коридором, в котором, развалившись на удобных стульях, дремали два стражника-конкистадора в сползших на носы морионах, он сам открыл следующую, вполне нормальных размеров дверь. Прищурился от ударивших в глаза потоков света, вливавшегося в огромную комнату через многочисленные арки окон. Посередине залы стоял грубо сколоченный овальный стол на тумбообразных ногах. Вся столешница была завалена планами, картами и чертежами. Вокруг сидели люди. В помятых кирасах, рабочих блузах и златотканых камзолах. Один, судя по виду, инженер, крутя в руках посверкивающий медью измерительный прибор, говорил:

¹³ Место первой высадки отрядов Кортеса на континент.

– ...волоком, подкладывая деревянные бревна, катим корабли посуху. На каждую бригадину нужно около десятка лошадей, чтоб тащить мачты и киль, шпангоуты же... – Он сбился, и голос его потерялся в высотах под потолком. Нервно оглянулся на Ромку и с грохотом бросил линейку на стол. – Что вам, молодой человек?

Сидящие обернулись. Лица большинства остались безучастными, но на некоторых появилось...

Первым пришел в себя Альварадо. Он вскочил, отшвырнув на пару шагов тяжелый стул, и, подволакивая левую ногу, бросился к Ромке.

– Дон Рамон!!! – заорал он. – Я всем говорил, что такой *hombre de suerte*¹⁴ просто не может сгинуть без следа. – Он крепко обнял Ромку и поцеловал в выбритую щеку.

Следом на него навалился и по-медвежьи облапил капитан артиллеристов Меса, щекотно кольнув нестриженной бородой. Подошел Кристоаль де Олид, как египетская мумия обмотанный сочащимися кровью повязками, чинно поклонился. Откуда-то из-за спин вынырнул Сандоваль, хлопнул по плечу и подмигнул: мол, удался сюрприз. Окруженный друзьями и соратниками, Ромка подошел к сидевшему на стуле Диего де Ордасу. Тот не встал, протянул обе руки. Ромка наклонился и обнялся со старым капитаном, вдохнув неприятный, сладковатый запах гноящихся ран. Ноги дона Диего были покрыты куском белой материи, и Ромке совсем не хотелось узнать, что он скрывает. С трудом оторвавшись от старого приятеля, он подошел к Кортесу и пожал его сухую, крепкую руку.

– Дон Рамон, я рад, что вы вернулись к нам именно в этот момент. Сейчас у нас нет времени на сантименты и воспоминания, поэтому приглашаю принять участие в совещании, а все остальное обсудим потом.

Ромка кивнул и уселся на большой деревянный стул между Диего де Ордасом и Шикотенкатлем в роскошных одеждах правителя Талашкалы и с большим распятием на шее. Кортес уговорил старого, почти слепого вождя принять христианство. В крещении он стал зваться дон Лоренсо де Варгас.

Кивком головы Кортес велел инженеру, имени которого никто не удосужился назвать, продолжать рассказ. Тот схватил линейку, снова бросил ее на стол. Пошуршал бумагами и высоким надтреснутым голосом продолжил с того места, на котором его прервали.

– Котлы для смолы доставлены из Вера Крус. На днях специально отряженные команды вернулись из сосновых лесов в Уэшоцинко с большими запасами. Смоление первых двух кораблей можно начать на днях. Оснастка готова, останется только установить компас и руль. Его лучше переносить отдельно, чтобы не повредить. Я подготовил, – он снова зашуршал бумагами, – рисунок, на котором вы можете видеть все детали.

Нервно облизнув верхнюю губу, он развернул один свиток, и перед зрителями предстал рисунок, мастерски выполненный коричневой тушью по желтоватому пергаменту. На нем были изображены несколько пузатых каравелл с надутыми ветром парусами, изрыгающими огонь пушками и тщательно прорисованными людьми на баке, в одном из которых угадывалась долговязая фигура капитан-генерала с приложенной к глазу оптической трубой. От бушприта каждого корабля тянулись к маленьким человечкам в характерных талашкаланских головных уборах множество волосяных линий. Кругляки под киями были изображены очень небрежно, зато в левом нижнем углу красовалась тщательно выписанная звезда, обозначающая стороны света с завитушками, вензелями и надписями на латыни. В правом верхнем – щекастое лицо, высывающееся из облаков, дабы надуть ветром паруса. Собравшиеся одобрительно зацокали языками и закачали головами. Ромка же задумчиво потер колючий подбородок, нечто в этой картине его смущало. Кортес заметил его замешательство:

– Дон Рамон, вам что-то не нравится?

¹⁴ Везучий парень (*исп.*).

– Во-первых, тут изображены каравеллы, а строятся, насколько я успел заметить, бригантины.

Инженер-художник схватил линейку и закрутил ее в заметно подрагивающих руках.

– Во-вторых, – продолжил молодой человек, – мне кажется, такой способ перемещения флота не самый удачный.

Инженер загорячился, запыхтел, как чайник на плите, и уже хотел было разразиться тирадой, но Кортес властно поднял руку, и тот смолк.

– Продолжайте, дон Рамон, – велел капитан-генерал.

– Я думаю, гораздо удобнее будет не смолить бригантины здесь, а разобрать, доставить до места спуска на руках и собрать там. Если, конечно, любезный Шикотенкатль... Э... Извините, дон Лоренсо, – молодой человек поклонился старому вождю, – согласится выделить нам людей.

– Ай да дон Рамон, – снова вскочил на ноги порывистый Альварадо. – Узнаю молодца! А ведь верно, пока будем через лес тащить, все снасти порвем да шпангоуты расшатаем. На месте проверять, смолить, да и тяжесть какая? По досочке куда как легче донести будет.

Диего де Ордас по-отечески похлопал любимчика по плечу. Кортес улыбнулся в усы.

– Да и фальконеты на земле в случае нападения будет развернуть сподручнее, – вставил Меса.

– И если в судно зажженная стрела попадет, оно может все сгореть, как махины-башни на дамбе, – добавил польщенный всеобщим вниманием Ромка.

Инженер, постоянно что-то роняя, собрал наконец под мышку все рисунки и отправился на место в дальнем конце стола. По дороге он шипел и плевался, как дикий кот, но вид имел скорее пристыженный.

– И сколько, по-вашему, нужно человек для транспортировки? – спросил у молодого человека капитан-генерал.

– Думаю, не менее десяти тысяч, – задумчиво проговорил Ромка.

– Не десять тысяч, но гораздо больше дадим мы вам. Войска уже заготовлены, и вместе с вами пойдет храбрый касик Чичимекатекутли, – перевел молодой индеец каркающую скороговорку сеньора Лоренсо де Варгаса, и только тут Ромка заметил, что рядом с Кортесом нет ни доньи Марины, ни Херонимо де Агильяра – переводчиков и дипломатов.

– Есть две возможности, – говорил Кортес, склоняясь над грубо нарисованной картой окрестностей. – Первая – разделить на два отряда и разом захватить Айоцинко и Чалько, они вполне подходят для сборки и спуска на воду наших бригантин. Вторая – всеми силами ударить по Тескоко. Этот город гораздо лучше укреплен, и гарнизон его велик. Но там готовые причалы, ближе расстояние до стен Мешико и удобнее дорога.

– Я бы, пожалуй, не пошел на Тескоко, – проговорил, взглядываясь в карту, сеньор де Олид.

– Почему?

– Во-первых, мешики могут быстро перебросить две-три тысячи людей из города на лодках. Во-вторых, под боком Истапалан. Сколь я помню, город стоит на перекрестке двух больших дорог; и правитель – *lila*¹⁵, если не разместит там гарнизон в несколько сотен копий.

– Ну и что! Можно укрепиться в Тескоко, а потом кавалерийским ударом, – рубанул воздух рукой Альварадо.

– Кавалерийским не выйдет, стены высоки, – рассудительно ответил Сандоваль. – Перестреляют как павлинов.

– Да и лошадей маловато, – поник головой Альварадо. – А что скажет артиллерия?

¹⁵ Глупец, простофиля (исп.).

– Артиллерия свое слово всегда скажет, – почесал бороду Меса. – Весомое. Только для того, чтоб в щепу разнести ворота и поддержать наступающих огнем, требуется батарея из семи-восьми орудий крупного калибра. Если отрядим такое количество, ослабим силы в городе. И на бригантины тогда не хватит выставить стволов по полному ордеру.

– Значит, Айоцинко? – спросил Кортес, особо ни к кому не обращаясь.

– Это слишком опасно, – молвил де Ордас. – К городам идти придется по этой вот долине, которая тянется более чем на пол-лиги. Если мешики прознают о нашем походе и выставят стрелков по верхнему краю, нам конец.

– А если по флангам прикрыть пехотой дона Рамона? И придать ему стрелков с арбалетами наготове? – подначил Альварадо, хотя и сам видел, что Ордас прав.

– Мечники строем сильны, а в лесу как построиться? Рассеются, друг друга прикрыть не смогут, и перебьют их по одному. К тому же стрелки могут отступать за край, куда пули и стрелы не долетят. А если и долетят, что могут пятьдесят арбалетов и двадцать аркебуз?

– Если взять Тескоко, за его стенами можно пересидеть долгую осаду, а в Айоцинко и Чалько всех укреплений – только земляные валы, – добавил Сандоваль. – Нас сметут первой крупной атакой. Просто завалят телами.

– И то верно, – вздохнул Альварадо и опустил голову в знак согласия и покорности.

Все посмотрели на нескольких офицеров, прибывших с Нарваэсом и после него. Те, не решаясь брать на себя ответственность, опустили глаза. Тогда все взгляды обратились на дона Рамона, задумчиво грызшего кончик гусиного пера.

Ромка пожал плечами – он особой разницы между двумя походами не видел.

– Значит, идем на Тескоко, – отрезал Кортес. – А сейчас всем спать. Утром нас ждут великие дела.

Глава четвертая

Мирослав остановился у невысокого, по срамное место, забора, огораживающего небольшой сквер у дворцовой стены. Едва коснувшись рукой верхнего края, перемахнул его и направился к массивной каменной скамейке возле весело журчащего источника, выложенного голубой изразцовой плиткой.

На скамейке, по-детски положив под голову кулак, спал замухрыжестого вида испанский гранд в потертом кожаном колете и сбитых по местным каменным дорогам сапожках. С каждым выдохом окрестности окутывал смачный перегар местного кактусового пойла.

Скамья была длиннющая, а горе-конкистадор ростом был не велик, но возлежал по самой середке, от чего слева и справа оставалось по пол-аршина свободного пространства. Русич ухватил пропойцу за ворот и без усилий сдвинул по полированному камню безвольное тело на один край. Сам устроился на другом и достал из-за пазухи сегодняшние покупки.

Первым на свет появился большой испанский кинжал с рукоятью в форме вытянутой капли, увенчанной тяжелым навершием. Мирослав попробовал крепость «рогов» гарды, крепление лезвия, покрутил на ладони, проверяя баланс. Взмахнул пару раз, привыкая.

Оружие знатное, но ухода и присмотра хорошего за ним не было. Пятнышки ржавчины на клинке, кривую заточку и грязь вокруг отверстия, в которое вставлялся хвостовик лезвия, он заметил еще в лавке. Но решил: если подточить и подчистить, то даггер¹⁶ послужит верой и правдой.

Возможно, его хозяин погиб или заложил кинжал, да не смог выкупить обратно. Потому так задешево и отдал его пронырливый гемуэзский торговец. На испанское золото потянулось из старушки Европы много всяких лихих и торговых людей, норотивших погреть руки на чужой крови. С прибывающих кораблей в Вера Крус партиями сгружали арбалеты, аркебузы, порох и прочую амуницию, другие товары, вели лошадей. Но все это не бесплатно, в помощь завоевателю, а за полновесное местное золото. История не нова, и московские купцы во время войны заламывали цены за лошадей и кольчуги для ополчения.

Мирослав вздохнул и развернул тряпицу, в которой покоился мешикский клинок из обсидиана. Придирчиво осмотрел кромку широкого листообразного лезвия, глянул темное стекло на просвет. Скрипнул острием по ногтю и скользнул ногтем по острию. Проверил, крепко ли намотана оплетка на стеклянную ручку, поковырял пальцем затвердевшую смолу, которой она была облита. Нож, при внешней неказистости, сработан был на совесть. Русич с улыбкой водрузил его на привычное место, за голенище новенького сапога, который он приобрел на выданные Ромкой из своей доли деньги.

Воин вздрогнул. Ему почудилось какое-то движение на высокой стене, тянувшейся вокруг дворца правителя Талашкалы. Часовой с обходом? Да нет, слишком юрко шастает. Птица? Великовато для птицы. Шестое или седьмое чувство, которое частенько предупреждало его об опасности, на птиц так не реагировало, даже на местных орлов, которые могли унести в поднебесье взрослую козу. Кто же тогда? Лазутчик? Враг?!

Мирослав бросился за ним. Он стрелой неся через наваленные около стены доски и каменные блоки, следуя взглядом за неясной тенью. Мышью протискивался в узкие лазы. Змеей обтекал толпящихся людей, перепрыгивал через лужи и канавы. Тень двигалась стремительно. Вот она мелькнула на фоне темнеющего неба, распласталась по камню, выжидая, пока мимо пройдут гомонящие и ржущие аки кони стражники. Просочилась сквозь балки, поддерживающие котел, где в случае осады можно было растопить смолы и вылить на супостата. Мелькнула среди зубцов и исчезла вновь.

¹⁶ Испанское название кинжала.

чем сыновья любовь. Больше-то в этой жизни у него ничего не осталось. Правда, зачем он князю Андрею? Да хоть зачем, грамотку какую выкрасть или воеводу зарвавшегося подрезать. Мало ли надобностей у начальника царской секретной службы, который и в свои игры поиграть не прочь?

А может, эту королеву можно разыграть и в каких-то других комбинациях, подумал он и мысленно хлопнул себя по затылку. Ферзя. Ферзя! В шахматах самая сильная фигура называется ферзем и никак иначе.

А вдруг новости о «Ночи печали» уже дошли до Москвы и мамы нет в живых? Князь Андрей на расправу не скор, но как знать, вдруг вожжа попадет ему под... э-э... плащ? А город, отнявший у него отца, – вот он, всего в нескольких лигах, как паук раскинулся посреди озера, попирая окрестные берега лапами дамб. Опутывая страну паутиной дорог. Глотая и переваривая многочисленных людей-мушек, высасывая их кровь на жертвенных камнях... Этого паука надо убить.

Ну а потом уже и наведаться в село Тушино, родовое имение князя, и поговорить по-свойски. А если с мамой что-то случилось... Ромкина рука сама нашарила на поясе рукоять кинжала. Только вот Мирослав, – обожгла мысль. Можно ли на него рассчитывать? Пойдет ли он супротив князя или, наоборот, примет его сторону? Лучше иметь во врагах сотню мешиков или десяток испанцев, чем русского воина. А ведь Ромка давно привык в трудных ситуациях полагаться на Мирослава как на себя самого. Закавыка. Нет, все же сначала Мешико, а потом как кривая вывезет. Может, его просто убьют при штурме или лихоманка скрутит и вообще ничего решать не придется, невесело улыбнулся Ромка.

Терзаемый такими мыслями, он дошел до коридора, ведущего к опочивальне. Насколько Ромка успел заметить, единственной их соседкой была донья Марина. Вопреки его представлениям о романтических отношениях (крайне, впрочем, сумбурных), она была поселена отдельно от Кортеса в высокую башню около самых ворот, где и проводила безвылазно дни и ночи с парой прислужниц. Как героиня романтических сказаний, читанных им в белокаменных палатах княжьего двора. Молодой человек как-то хотел зайти поздороваться по старой памяти, да за подготовкой к походу все было недосуг. Но вот теперь все складывалось как нельзя удачнее. Кортес занят военными приготовлениями, Мирослав, по своему обыкновению, пропадает где-то в городе. Спать не хочется, а лежать на кровати и прислушиваться к таинственным шорохам огромного дворца не хочется тем более.

Ромка почесал в затылке, припоминая, на какой развилке нужно свернуть, чтоб попасть к башне. Кажется, вот этот коридор. Длинный, без единого проблеска света. И как Кортес не постеснялся поселить туда жену? Чем она ему так насолила? Правда, говорят, в Испании у него осталась еще одна жена и теперь, прознав про подвиги мужа, хочет навестить его. Собирается в путь. Тогда с доньей Мариной следует некоторое время не встречаться, чтоб хоть вновь прибывшие не бросились в пересуды, которые, безусловно, дойдут до ушей испанской жены. Он вздохнул, все это было слишком сложно для неопытного в сердечных делах молодого человека.

Погруженный в размышления о перипетиях семейной жизни, он миновал больше половины темного коридора, когда заметил, а скорее даже почувствовал впереди какое-то движение. Крыса? Эти большие коричневые и совсем не противные в отличие от серых московских пасюков звери часто бродили по дворцу, не доставляя обитателям особых хлопот. Не похоже. Заблудившийся слуга? Почему без света? Впереди мелькнуло белое. Призрак заблудившегося и умершего от голода талашкаланца, нервно хихикнул в голове внутренний голос, а тонкие волоски на загривке встали дыбом. А что ждать от призрака? Напугает? Полетает вокруг и исчезнет? Дотронется – и смерть? Ромка сделал шаг назад. Ножны противно чиркнули по камню. Призрак громко ойкнул знакомым голосом, а ветерок, вечный обитатель пустых коридоров, донес легкий аромат резеды, перемешанный с запахом корицы, от которого дурела голова.

– Донья Марина?! – с облегчением вымолвил Ромка, узнавая знакомый еще по первому походу запах: Марина мыла волосы перетертой травой, похожей на резеду. – А я к вам. Решил нанести визит вежливости. Не хотите ли прогуляться по городской стене?

Женщина – теперь Ромка ясно различал ее силуэт, окутанный пеной белой ткани, – снова ойкнула и зашаталась. Из-за ее спины возникла размытая тень и метнулась вперед.

Мирослав вихрем пронесся мимо стражи, едва успевшей распахнуть тяжелую дверь, и влетел в коридор. В кровавых отблесках жаровен на стенах перед ним выросла сплошная стена кирас, колетов, камзолов и других нарядов испанской знати. Воин попытался затормозить, но скользкие каменные плиты предательски вывернулись из-под сбитых подошв.

Выставив руки, Мирослав чуть смягчил удар о чей-то железный нагрудник, но лишь чуть. От толчка оба мужчины закачались и, чтоб не растянуться на полу, обнялись, как братья после долгой разлуки. Поймав равновесие, воин поднял голову и уперся взглядом в черные бездонные глаза Эрнана Кортеса, в которых медленно разгоралось пламя узнавания и воспоминания о сплетенных телах под тонким покрывалом. О костистом, заслоняющем свет кулаке. О тяжелом звоне в ушах, когда мир разлетается на части.

Капитан-генерал оттолкнул русича и рывком выдернул из ножен тонкий меч. Мирослав отпрянул. Его подошвы еще не успели утвердиться на скользком, а в руке уже рыбкой блеснул кинжал. Не нюхавших порошу знатных испанцев разметали по стенам столкнувшиеся в узком коридоре волны ярости, капитаны «первого призыва» обнажили мечи.

Пятеро бойцов в узком коридоре да куклы эти испуганные. Верная смерть, улыбнулся Мирослав. Пусть не всем, но трем-четырем точно. Ну и ему, скорее всего. Как не вовремя. От его волчьего оскала знатные идалыго попятились еще дальше, а Сандоваль и Олид шагнули вперед, встав плечо к плечу с Кортесом.

– Сеньоры, погодите! – вскричал Альварадо, прищуриваясь в полутьме. – Это ж слуга дона Рамона.

Капитаны замерли, всматриваясь. Кортес ожег Альварадо злым взглядом, но смолчал.

На Мирослава снизошло вдохновение.

– Don Ramón... En peligro!!!

¹⁸ – с трудом протолкнул незнакомые слова сквозь губы Мирослав. Худой мир был ему сейчас выгоднее доброй ссоры.

– Рамон в опасности?! Где?! Что случилось?! – враз заговорили капитаны.

Мирослав лишь отмахнулся и, проскользнув между Кортесом и Сандовалем, бросился по коридору. За его спиной загрохотали сапоги конкистадоров.

Ромка потянул из ножен кинжал. Тень скользнула по стене. У самого уха молодого человека тускло блеснули осколки вулканического стекла, вставленные в деревянную рейку, – мешикский нож. Ромка поднял руку, защищая голову, но открыл корпус. Удар под ребра выбил из его груди весь воздух. Холодная рука с крепкими, будто выточенными из дуба пальцами легла на подбородок, отгибая голову назад, обнажая не прикрытое воротом колета горло. В ноздри шибануло запахом корицы так, будто кто-то залепил в лицо горячим сдобным пирогом.

Ромка ударил латунной набойкой в колено. Не попал. Острые стекла с треском вспороли бархат его панталон. По бедру заструилось теплое. Молодой человек бесцельно замахал кулаками, только чтоб разорвать дистанцию, отбросить врага подальше. Не попадал. Живот перечеркнула еще одна кровавая дорожка. Тогда он извернулся, навалился всем весом, подминая под себя. Павианьи глазки врага оказались рядом с его лицом, заглянули в самую душу, надавили, подмяли. Ромка почувствовал, как слабеют колени. Он закричал что-то типично русское

¹⁸ Дон Рамон в опасности! (исп.)

и что есть мочи крутанул врага, намереваясь разбить его голову о стену, как гнилую тыкву. Скользнув по кладке ладонями, тот вывернулся из захвата. Ромка ударился сам, зубы клацнули, прикусив язык. Над ухом раздался противный смешок.

Мразь! Ромка оттолкнулся, надеясь всем весом припечатать мешика к противоположной стене. Тот опять увернулся. Ромкина требуха заныла от удара о камень. Толчок в спину бросил его вперед. Молодой человек пробежал несколько шагов, кувырнулся через плечо и вскочил в стойку. Никого. Где? Свист рассекаемого воздуха. Ромка упал назад, ловя за запястье руку с ножом. Дернул, упираясь ногой в живот. Перебросил через себя. Мешик шлепнулся об пол, растворился во тьме и тут же появился снова.

Ромка принял на грудь летящее тело, вцепившись в руку с ножом и пытаясь кинжалом достать вторую, шарящую по воротнику, норовящую вцепиться в горло. Откинувшись назад, молодой человек извернулся и ткнул супостата наверху кинжала в глаз. Попал!!! Его противник взвыл, снова обдав его волной коричневого запаха, от которого уже выворачивало наизнанку. Хватка ослабла. Ромка что было силы впечатал свой лоб в лицо убийцы. Послышался противный хруст. Пролетев по воздуху почти сажень, мешик ударился спиной о каменную кладку и обрушился на пол. Дернулся и затих. Под его головой стало расплзаться темное пятно. Ромка заморгал, пытаясь погасить сыплющиеся из глаз искры, и повернулся к донье Марине.

– Дорогая сеньора, вы не пострадали? – Он попытался изобразить учтивый поклон, но, почувствовав звон в голове, ограничился вежливым кивком. – Э... Здравствуйте.

– Нет, – ответила она и отступила на шаг. – Нет! Не-е-ет!!! – И бросилась бы бежать, если б не камень за ее спиной.

Ромка сморгнул. Неужели эта женщина так сильно испугалась, что перестала отличать врагов от друзей? Конечно, в коридоре темно, но уж так... Почувствовав нехорошее, молодой человек обернулся.

Мешик поднимался, по одной подтягивая под себя ватные, трясущиеся конечности. Неуклюже, но очень быстро. Выпрямился, пошатываясь, свесив до колен обезьяньи руки, и, распрямившись как тисовый лук, бросился вперед. Ромка едва успел увернуться от первого удара, принял на локоть второй и ударил в ответ. Его кулак угодил в пустоту на том месте, где только что мелькнуло изрытое шрамами лицо с черными горящими глазами. Пустота ответила. Молодого человека повело вперед, кинжал вылетел из руки и зазвенел по камням веселыми переливами. По нагруднику хрустнули острые стекла мешикского ножа. Удар не пробил панциря, но остановил падение. Не глядя, Ромка махнул локтем на запах. Снова пустота. Еще раз. И снова не попал.

Да что ж это?! Молодой человек крутнулся вокруг себя, выставив ножны, в которых так и покоилась шпага.

Града завибрировала в руках, когда лезвие зацепилось за что-то твердое. Ромке на мгновение даже показалось, что за стену, но шлепок падающего тела развеял его сомнения. С торжествующим криком молодой капитан выхватил клинок и вычертил в воздухе хитрую восьмерку в том направлении, в котором исчез его противник.

Донья Марина за его спиной пискнула, как расстающаяся с жизнью в кошачьих когтях мышь.

По спине молодого человека пробежал неприятный холодок – он был уверен, что убийца отлетел в другую сторону. Он развернулся на каблуках и увидел, что все вернулось на круги своя. Женщина в белой ночной рубашке застыла посреди коридора. За ее спиной, обхватив длинной рукой за горло, притаилась едва различимая тень. Только сейчас у Ромки была шпага. Он уже прицелился в долгом выпаде воткнуть ее в глаз мешику, когда тот зашипел что-то на своем языке.

– Он говорит, – с трудом разлепила бледные губы донья Марина, – что пришел за главным теуле и другие ему не нужны. Если вы его пропустите, мы оба останемся живы.

– Скажите ему, – взмахнул шпагой разгорячившийся капитан, – что он может отпустить вас и убраться восвояси, если ж нет, то я его убью.

Коричневая рука сжалась у доньи Марины на горле. Женщина захрипела, глаза ее закатились. Ромка вытянулся струной в длинном выпаде. Кончик шпаги нащупал вражеское сухожилие. Врезал рывком. Бронзовая рука повисла плетью. Марина рванулась, с треском выдирая одежду из цепких пальцев. Ромка снова ударил.

Мешик поднырнул под лезвие и боднул его головой под нагрудник. Хрустнули ребра. Воздух комом вылетел из легких. Ромка захрипел, не в силах вдохнуть. Убийца надавил локтем раненой руки на ключицу, прижимая молодого человека к полу. Деревянный мизерикорд¹⁹ начал подниматься для последнего удара...

Рука с мешикским ножом отдернулась, не завершив кровавого дела. По тому месту, где она только что была, прошелестел нож из стекла. Раскрошился, звякнув об стену. Мирослав, полыхнуло у Ромки в мозгу. Спасение! Тут же коридоры огласил топот множества сапог. Мешик отскочил и растворился во тьме. Мирослав с разбегу перепрыгнул лежащего Ромку и осторожно, как вазу китайского фарфора, поднял с каменного пола тело Марины. Жена капитан-генерала была напугана, но невредима, только сомлела чуть.

В коридор с грохотом и лязгом валились подоспевшие капитаны. Замерли с оружием наголо. Растолкав их, вышел вперед Кортес. Он подошел к Мирославу, держащему на руках Марину. Черные очи с тлеющими на дне углями ярости встретились с холодными, голубыми глазами русича. Тот не отвел взгляда. Несколько секунд романский пламень и славянский лед мерялись силами. Стоящие рядом попятнулись. Ромка почувствовал, как от столкновения сил начинают тоненько вибрировать волоски на его руках. Сжимающие рукоять меча пальцы Кортеса тоже ходили ходуном, было видно – еще чуть-чуть, и рубанет. И только Мирослав оставался спокоен, а на руках у него, прильнув к широкой груди, лежала Марина. Русич улыбнулся и бережно поставил окончательно пришедшую в себя женщину на ноги. Все с облегчением выдохнули, а Мирослав легонько потряс сеньору за плечо и спросил, валя в кучу весь свой словарный запас:

– Quién es?.. A qué viene? Hombre?.. Vino?²⁰

– Он приходил убить капитан-генерала, – ответил за нее Ромка. По-русски.

– Ну, тогда я б посоветовал капитан-генералу идти в спальню, запереть все окна и двери, зарядить арбалеты, обнажить мечи и не смыкать глаз, – спокойно сказал Мирослав. – А я скоро.

– Куда это? – удивился Ромка, скороговоркой переведя испанцам его тираду.

– Пойду с татем ночным разберусь.

Его шаги прошелестели по коридору, потом хлопнула дверь в светелку доньи Марины, и все стихло. Кортес с лязгом кинул меч в ножны и, не оглядываясь, не проронив ни слова, ушел. Капитаны молча переглянулись, пожали плечами и потянулись следом.

Ромка почувствовал, как голова начинает кружиться, и потерял опору под ногами.

Куаутемок перелистывал толстый фолиант в кожаном переплете, собирая на лбу старческие морщины. Оторвавшись от толстой засаленной страницы, он перевел взгляд на сидевшего у подножия его трона человека, за спиной которого кряжистыми скалами высились два воина. Но эти предосторожности были излишни. За месяцы, проведенные во дворце, всем стало ясно,

¹⁹ Кинжал милосердия (*фр.* misericorde – милосердие, пощада), кинжал с узким трехгранным либо ромбовидным сечением клинка для проникновения между сочленениями рыцарских доспехов, использовался для добивания поверженного противника. Здесь название употреблено в переносном смысле.

²⁰ Кто это?.. Зачем?.. Человек?.. Пришел? (*исп.*)

что Херонимо де Агильяр, один из немногих захваченных в «Ночь печали» конкистадоров, счастливо избежавший жертвенного ножа, безвреднее мухи.

– Что изображено на этой картинке? – Куаутеок повернулся к испанцу в потрепанной одежде.

– Осада города Мааррат ан-Нуман доблестными прованскими рыцарями, ведомыми графом Раймондом Тулузским в лето тысяча девяносто восьмое от Рождества Христова, – близоруко щурясь, прочитал дон Херонимо крупную подпись.

– Что это такое? – Бронзовый с идеально подстриженным и отполированным ногтем палец указал на рисунок.

– Это подкоп, который делают воины под стену.

– А это вот?

– Это требюше, – ответил де Агильяр. – Осадная машина. Ее использовали при штурме крепостей.

– А как она работает?

– Работает... Сколь я помню, в крепкую станину типа лафета с цапфами устанавливается крепкая балка. Не посередине, а чтоб плечи были разные. К короткому крепится противовес из камня или свинца, на длинном делается «ложка» или подвешивается сетка, в которую вкладывается камень. Тяговая команда пригибает длинный конец к земле, потом отпускает. Противовес идет вниз и разгоняет длинный конец. Балка ударяется в стопор, и камень летит в цель.

– Понятно, понятно, – проговорил Куаутеок. – А если на ложку не камень положить, а поставить горшок с горючей смесью и поджечь? Тогда получится... Хм, интересно. А вот тут что?

– Правитель, ты же хотел про Испанию побольше узнать, чтоб что-то общее найти, мир заключить, а сам все больше про войну интересуешься.

– Хочешь мира, готовься к войне, – улыбнулся Куаутеок. – А вот это что? – Он указал рукой на рисунок рыцаря, омывающего члены из маленькой кадучки. Рыцарь был изображен не в чистом поле, а в стенах родного замка.

– Сеньор рыцарь моется.

– Моется? – удивился мешикский владыка.

– Да. А что тут такого? – пожал плечами старик.

– А всякие бани, мыльни?

– Нет, зачем? К тому же вода отбирает силы. Даже панцирь и одежду мы стараемся не мыть без особой надобности, не говоря уж о теле.

– Так вот, значит, что... – Куаутеок задумчиво потер подбородок.

Его народ почти от всех болезней лечился в темаскале²¹. В столице и крупных городах бани строятся отдельно, одни для мужчин, другие для женщин. В небольших поселениях обычно все моются вместе, часто одной и той же водой. А что, если зараза передается именно через нее?

Морщины на лбу Куаутеока разгладились. Он кликнул одного из многочисленных племянников, исполняющих при нем обязанности секретаря, и повелел записывать.

– Я, верховный правитель государства Мешико, повелеваю прекратить всякое мытье в купальнях...

Мирослав распахнул дверь в спальню доньи Марины и отскочил, чтобы ненароком не получить ножом в живот или вазой по голове от неведомого убийцы. Постоял в проеме, оглядывая пустое окно, разворошенную постель, распахнутые дверцы шкафчика, из которого безжизненно свисали белые рукава и оборки. Втянул ноздрями воздух. От густого запаха корицы,

²¹ Паровая баня или купальня.

шибавшего в нос в коридоре, остался только слабый шлейф, разгоняемый по углам ночным ветерком. Ушел?!

Воин захлопнул за собой дверь, заложил на бронзовый крюк брусок засова и крадучись приблизился к окну. Повадка убийцы не оставляла сомнений. Он может затаиться и снаружи, на каком-нибудь малозаметном выступе. Принюхался. Выглянул. Под окном на расстоянии полутора саженей тянулась в обе стороны городская стена. Справа ее изгиб терялся в наступивших сумерках, слева она упиралась в каменную будку, где располагался ворот с бронзовыми ручками и длинным канатом, прикрепленным к створкам городских ворот. Четверо стражников всегда дежурили около него. И сейчас все четверо были на месте. Сидя на корточках, привалившись спиной к теплому камню, они что-то неторопливо обсуждали, посасывая короткие каменные трубочки, набитые засушенным листом табака, местного растения. Когда они вдыхали дым, листья вспыхивали ярче, и татуированные, покрытые шрамами лица озарял багровый демонический свет. Мирослав вздохнул. Если он спрыгнет из окна, стражники могут его заметить и броситься ловить, а если поймают, объясняться с ними придется долго. Талашкаланцы разгильдяи редкие, но в трусости их заподозрить нельзя.

А это что такое? Ему показалось? Э нет, не показалось. По башенке, прямо над головами у беспечных привратников, по-паучьи раскинув руки и ноги, пробежал человек. На краю опустился на живот, перевернулся ногами за край и спрыгнул на пол. Ни один из караульных не вздрогнул и не повернул головы. Недотепы. Но убийца-то каков, а? Правда, глупо позволил светить звездам себе в спину. Тем хуже для него.

Мирослав перекинул ноги через подоконник. Дождавшись, пока огоньки вспыхнут особенно ярко, чтоб со света было хуже видно во тьму, уцепился кончиками пальцев за край и повис. Спрыгнул. Каблуки гулко впечатались в камень. Мирослав замер не дыша. Не услышали. Он поднялся на полусогнутые и держась так, чтоб макушка не высовывалась выше стены, заскользил к будочке, почти не отрывая подошв от земли. В десятке саженей от намеченной цели остановился. От ног ближайшего стражника до края, обрывающегося во двор, едва ли будет пара локтей. Проскользнуть незамеченным не выйдет. Убить четверых талашкаланцев? Можно, но утром будет следствие. Вопросы, поиски. Придется искать заступничества, да не у Ромки, у самого Кортеса, а захочет ли он? Да и сейчас шум может подняться, за смерть своих могут и не простить, хоть для них он и teule. Да и союзники все ж, хоть и нехристи.

Внизу раздались крики, топот ног, замерцали многочисленные факелы, испанцы наконец сподобились начать ловлю душегуба. Много они поймают, вопя, как туры, призывающие телок, и топоча, как стадо кабанов по льду. Шум и крики заинтересовали караульных, они нехотя поднялись со своих мест и свесились за край. Мирославу хватило нескольких мгновений, чтоб проскочить за их спинами и затаиться в тени башенки. Талашкаланцы, обменявшись с товарищами внизу парой гортанных фраз, вернулись к трубкам. Правда, один, видимо желая выслушаться, остался стоять и даже попытался напомнить товарищам, что неплохо бы совершить обход или хотя бы усилить бдительность, но его быстро уговорили не заниматься ерундой, ведь на их участке стены...

Мирослав не понимал ни слова, но прекрасно чувствовал интонации бывалых солдат, несущих караул на второстепенном посту. Кстати сказать, именно в таких местах чаще всего и случались всевозможные неприятности. Воин заскользил дальше, краем глаза поглядывая во двор, но ориентировался в основном на аромат корицы, долго растворяющийся в ночном воздухе. Он вел его не хуже, чем гончую ведет запах лисы.

Он уже давно оставил за спиной ту часть дворца, где случился переполох. Крики сюда уже почти не долетали, свет факелов давно померк, а сияние звезд только оттеняло мрак, царивший по эту сторону стены.

В одном месте пахло особенно густо. Русич остановился, прислушиваясь, пошарил рукой по камню и обнаружил привязанную к вбитой в стену скобе веревку, такую тонкую, что и при

дневном свете разглядеть непросто. Вот, значит, как? Поплевав на ладони, Мирослав уцепился за снасть и стал медленно спускаться, прислушиваясь и принохиваясь. Запах не ослабевал, но и не усиливался. Значит, не караулит под веревкой, надеясь подловить и всадить клинок в бок.

Воин спустился и втянул ноздрями ночной воздух. С дворцовой кухни доносились аппетитные запахи свежеприготовленной еды, с окрестных помоек пахло гниющими овощами, от небольшого храма в глубине двора тянуло свежей кровью... Ага, вот, он снова уловил запах убийцы.

Куда ж он пошел? Странно. Почему в дальний конец двора? Там ни ворот, ни жилья. Задворки. Склады одежды, утвари дворцовой, снедь... Не подкрепиться же он собрался? Заслышав торопливую поступь караульного наряда – видать, прознали о переполохе во дворце, – Мирослав отступил в тень и прижался к стене. А то заметят, поднимут шум, выдадут с головой. Дождался, пока шаги затихнут в отдалении, и снова двинулся вперед, стараясь не выходить на освещенные участки. Запах был сильный и ровный, похоже, ночной гость специально держался рукой за стену, чтобы его след не потерялся. Неужели заманивает? Русичу стало не по себе. Он прибавил шаг ровно настолько, чтоб за собственными шагами не перестать слышать звуки окружающей ночи.

Тупик. Вернее, поворот. Убийца дошел до угла и повернул вдоль стены. Что он там искал? Потайной лаз, чтоб покинуть дворец? Припрятанное оружие? Или, может, назначил там встречу с соратниками? А может, готовится полноценный штурм через тайную калиточку, которую тот должен открыть? Не может того быть, усомнился Мирослав, чтоб большая группа незнакомых воинов спокойно прошла через город, находящийся в состоянии войны. Глупо на это рассчитывать. Но тогда зачем? Запах усилился, Мирослав сбавил ход и весь обратился в слух. Забранный решеткой водосток. Пространство между прутьев узкое – не пролезть; и замок на месте, а запах оттуда идет. Значит, пролез, просочился как-то. Мирослав ощупал замок. Тяжелый, навесной. Ничего сложного, если с инструментом. Но инструмента нет. Мирослав поднатужился, пытаясь сорвать дужку из накрепко прикованных ушек, они даже не шелохнулись. Значит, не так уходил. Может, решетка не закреплена. Воин оставил замок и тщательно, вершок за вершком, ощупал щель, в которую уходили, поднимаясь, прутья. Подергал каждый, проверяя, не расшатан ли. Нет, крепко стоят. Так, может, он и не уходил вовсе?

Мысль ударила обухом по голове. Ведь чего проще? Взять мешочек с корицей, подойти сюда. Рассыпать, чтоб пахло, самому ополоснуться в проточной воде и...

Мирослав с досады треснул себя костистым кулаком по лбу. Тать специально обмазал себя пахучей смесью, наверное, она сбивала с толку местных собак. А заодно обвел вокруг пальца его. Но куда же он двинулся теперь? От простоты и очевидности ответа Мирослав похолодел. Хлюпая водой в сапогах, побежал к главным воротам дворца.

– ...Бросается на меня! – с упоением рассказывал Ромка собравшимся капитанам. – Я отступаю, чтобы иметь простор для маневра, и рву из ножен кинжал... – Он кипел и рвался из рук молодой девушки, фрейлины доньи Марины, которая прикладывала ему холодный подсвечник к шишке на лбу.

– Он налетает на меня с ножом во-о-о-от с такими... – Ромка развел пальцы на пару аршинов, потом немного подумал и сократил расстояние почти вдвое. – С такими зубцами.

Капитаны удивленно покачали головами. После всего увиденного такая мелочь, как осколки, достойные двуручного меча, вставленные в обычный нож, не казалась им диковинкой.

– Первый удар достался по ножнам, вот смотрите. – Молодой человек продемонстрировал несколько косых царапин с разлохмаченными краями. – Второй чуть не попал в плечо, но я увернулся, схватил его за шею и...

– А что делала в это время донья Марина? – спросил рассудительный Олид.

– Вот это самое странное, – почесал в затылке молодой человек. – Мы все знаем ее как женщину исключительно смелую и сильную, но она даже не сделала попытки мне помочь.

– Неужели такому доблестному рыцарю нужна была помощь? – не удержался от шпильки горячий Альварадо.

– Помощь, конечно, без надобности была, – поправил себя молодой капитан, спохватившись, что рушит героический образ, – но все же и мужчины и женщины перед лицом опасности должны объединяться против общего врага. Нет?

– Да, помочь другу победить врага было бы по-христиански, – рассудительно молвил Кристоаль де Олид, обращаясь в основном к Альварадо. И к Ромке: – Так что вам показалось странным в поведении доньи Марины?

– Мне показалось, что она как будто спала. Понимаете, ходила, смотрела на меня, говорила что-то, но будто не сама. Будто кто-то ее за ниточки дергал.

– Неужели тот убийца еще и колдун? – спросил Сандоваль и перекрестился.

– Запросто! – воскликнул Альварадо. – Если их в нашем королевстве вон сколько, то почему б и тут не быть. Эх, сеньора Торквемаду бы сюда, уж он бы им устроил.

– Не так сильно бы и устроил, – вспомнил Ромка историю, которую рассказывал ему в своих палатах князь Андрей.

– Хотите сказать, что недостаточно еретиков сеньор Торквемада и его воители Божьи отправили на костер? – подбоченился Альварадо.

Кавалерийский капитан был кровожаден и на поле боя, и на христианском поприще.

– Хочу сказать, что он не так страшен, как его малюют. Святая инквизиция выносит около десяти – двадцати обвинительных приговоров в год. Суды над многими еретиками длятся иногда по несколько десятков лет, и на костер идут только нераскаявшиеся, закоренелые и упорствующие. А некоторые умные люди вообще считают, что инквизиция спасала многих от произвола и зверства малограмотных крестьян.

– Дон Рамон, поясните, пожалуйста, свои слова, – округлил глаза Олид.

– Извольте. У них, у крестьян, по-простому все, неурожай – ведьма виновата. Скот пал – колдун порчу навел. Ребенок заболел, обратно ведьма. Ну и естественно, ведьмами да колдунами самых красивых да самых зажиточных считали. От зависти да от глупости. От обиды на то, что кто-то лучше живет. А отцы-инквизиторы приедут да разберутся. Найдут причину. Если и правда ведьма, али не колдовством, а просто вредительством занималась, травила чужую скотину, к примеру, – добро пожаловать на костер. А если нет, то и в обиду не дадут, и крестьянам темным внушение сделают строгое, да епитимью наложат за то, что напраслину возводили.

– Это где ж такие умные люди живут, – насторожился Альварадо, – что столько про инквизицию знают?

– В северных землях, например. В Московии, – ляпнул Ромка в запале. – Там вообще никого на кострах не жгут и ведьм нет. Ведуньи только, они и травкой могут полечить, и заговором. А чтоб порчу наводить, этого нет. Это им заповедано.

– Оттуда вы знаете про те дикие земли, дон Рамон? – спросил де Ордас, сидящий на принесенном для него стуле.

– Довелось побывать, – осекся Ромка. – И мой слуга оттуда родом. Он много мне про те края рассказывал.

– Наверное, тоже колдун, – хохотнул Альварадо. – Ну да, вы и на их варварском наречии разумеете.

– Да не варварское оно совсем. Там многие грамоте обучены, счет знают. Дома строят, на кораблях эвон куда ходят. Аж до самого Царьграда.

– Это тот сеньор Олег, который правил в Киеве? – блеснул знаниями образованный де Олид. – Так он туда не красоты смотреть ходил, а вроде как город разграбил и сжег.

– Кто сжег? Русский сеньор сжег Царьград? – удивился Альварado. – Вот это да. Уважаю!

– На Руси таких сеньоров зовут князьями.

– Знатный был боец, – поцокал языком Альварado, интересовавшийся военной историей. – В те времена сеньорами становились не по праву наследования, а по праву силы. Кто на мечях да на копьях лучший – тот и повелитель, – пояснил он, заметив недоуменные взгляды других капитанов.

– Очень по-варварски, – протянул Лоренцо Вала с мягким итальянским акцентом.

– Очень честно, – осадил его Альварado. – А вся ваша Флоренция...

Меса заржал, уже собравшись пройти по нравам, царившим при флорентийском дворе. Прекрасно понимая, в какую мишень полетят остроты грубого артиллериста и язвительного кавалериста, флорентиец стал наливаясь дурной кровью.

– Сеньоры, сеньоры, – всплеснул руками рассудительный Олид. – Сегодня мы многое пережили, но эти тревобления ничто по сравнению с тем, что нам предстоит пережить завтра. Время уже приближается к полуночи, а неистовый Кортес сыграет побудку с первыми петухами, и всем нам придется являть пред солдатами свой заспанный лик.

– И то верно, – поддержал его до того молчавший Сандоваль, вообще не бойкий на язык. – Сеньоры, пойдемте спать.

Донья Марина лежала на кровати, разметав по белоснежным простыням темные, чернее ночи, волосы. В дурном тягучем сне виделись ей то страшное перекошенное лицо убийцы, которое звало ее в какие-то дальние закоулки памяти, то льдисто-голубые глаза русского богатыря, появившегося в последний момент и спасшего всех от неминуемой гибели... То черные усики, намечающиеся над верхней губой молодого человека, бесстрашно кинувшегося ей на помощь. И в этот сон еще одной, незаметной черной нитью вплелся скрип отворяемого окна, трепет занавесок и темный силуэт, бесшумно проскользнувший к выходу.

Ромка возвращался в опочивальню в приподнятом настроении. Еще бы, не каждый день оказываешься героем и спасителем чуть не самого капитан-генерала. О том, что по большому счету всех спас Мирослав, как-то забыли, – ну конечно, какой благородный дон обращает внимание на слугу? Молодого человека больше озадачивало, что воин, убежавший ловить ночного татя, до сих пор не вернулся, но и тревожиться о нем не стоило. Если кто и мог постоять за себя, то, конечно, Мирослав. Капитан от инфантерии с каждым шагом все тверже шагал по закоулкам дворца, казавшимся теперь вовсе не такими уж мрачными, и что-то насвистывал, прищелкивая пальцами, как кастаньетами. А когда оказался на том месте, где они схватились с убийцей, то даже попытался изобразить танцевальную фигуру алеманды, но сапог с чужой ноги скрипнул подошвой и чуть не уронил «героя дня» лицом в пол. Ступня втиснулась в узковатую колодку сапога, но сползло голенище. Чертыхнувшись и мелко перекрестив рот, нагнулся, ухватил за отворот и потянул.

Молодому человеку показалось, что где-то вдалеке, на самом краю зрения, промелькнула серая, почти неразличимая на сером тень. Неужели опять, холодея подумал Ромка. Или просто дурная кровь в голову бросилась? А если он не ушел? А если обманул Мирослава, а паче того, убил? И вернулся? Снова через спальню доньи Марины?

Ромка медленно, нарочито медленно поправил сапог, вытянул из ножен шпагу и обратившись в слух, на носочках двинулся за тенью.

Дежурившие у дверей талашкаланские воины даже не успели вскочить на ноги, когда мимо них пронесся странноватый слуга. Глаза его горели холодной яростью, рука сжимала изогнутую, сверкающую заточкой полоску так любимого *teules* железа. Сапоги промокли насквозь

и при каждом шаге взрывались снопом брызг. Он стрелой взмыл по лестнице. С грохотом распахнул дверь и исчез в темной пасти коридора. Талашкаланцы даже не успели его окликнуть.

Прихватив саблю под мышку, чтоб не поранить кого ненароком, Мирослав влетел в коридор. Как ветер сквозь тростник, пронесся он мимо слуг, толпившихся в огромном зале при входе. Ввинтился в один из широких коридоров, молясь на зоркий глаз и хорошую память, свернул в боковое ответвление, потом еще в одно и оказался в маленьком круглом зале, откуда дюжина крепких дверей вела в опочивальни особо приближенных к Кортесу капитанов. Убийца был тут. Он стоял, замерев возле помеченной золотой короной двери, положив руку на ручку в виде лапы орла, сжимающей круглый шар, и прислушивался. То ли к тому, что происходит за дверью, то ли...

Прежде чем Мирослав успел ступить в зал, из бокового коридора вылетел Ромка. С львиным рыком навалился он на убийцу, целя в голову латунным яблоком наверхия шпаги. По голове не попал, но угодил в плечо. То хрустнуло. Правая рука убийцы повисла плетью. Нож мешика блеснул акульими зубами на каменном полу. Вот и славно, думал Мирослав, взмывая в воздух с двух ног и заноса саблю. Главное – Ромку не зацепить. Через секунду он погрузился в мешанину рук, ног, пальцев, ногтей, зубов, и где-то далеко-далеко от его поглощенного битвой сознания застучали о стены распахиваемые двери спален...

Глава пятая

Заливистая трель побудки ветром сдула тяжелую дрему, окутавшую второй месяц живущий на осадном положении город. По коридорам застучали босые пятки слуг. Загрохотали сапоги конкистадоров, забряцало оружие, потянуло ароматным дымком от пекарен и жаровен. На вершинах храмов *paras*²² завели свои заунывные песни, перекрикиваясь, как чайки на скалах.

Ромка нехотя разлепил глаза и потянулся. Саднили многочисленные порезы, ссадины, синяки и даже укусы, оставленные на его теле ночным гостем. Если б не Мирослав... Молодой человек оглядел скромно обставленную комнату и, как водится, не обнаружил мнимого слуги. Даже простыни на тюфяке не смяты. Приходил ли ночевать или опять где-то пропадал до первых петухов? Скинув ноги с невысокой кровати местной работы, Ромка снял со спинки резного испанского стула панталоны, растянул на руке, осматривая многочисленные дыры и прикидывая, не будет ли срам светиться в прорехи. Вздохнул – штопать все равно некогда, натянул на длинные, мускулистые ноги. Сноровисто намотал белые портянки, нарезанные вечером из чистого полотенца, и сапоги. Притопнул, чтоб сели по ноге, и обернулся к зеркалу.

Хорош, нечего сказать. Все тело в шрамах и царапинах, частью подсохших, частью совсем свежих, закровенят, только тронь. Над бровью глубокий порез, под глазом такой синяк, что аж нос на сторону смотрит. Волосы сгнившей паклей торчат в разные стороны.

Он вздохнул и плеснул на ладонь воды из заботливо оставленного на столике кувшина, расчесался влажной пятерней. Обтер лицо. Набрал в рот тепловатой воды и погонял ее от щеки к щеке. Сплюнул за окно коричневую тягучую слюну, вместе с железистым вкусом крови, натекшей за ночь из-под расшатанных зубов. Накинул на голое тело снежно-белую рубашку. Кривясь от боли, затянул ремешки панциря и прицепил шпагу. Теперь и в приличное общество не стыдно. Снял с вбитого в стену гвоздя морион и отправился на сбор.

В зале творилось неладное. По правую руку от входа столпились бывшие капитаны Нарва-эса. Они старались сохранить гордый и независимый вид, но это им удавалось не очень хорошо под тяжелыми взглядами солдат и офицеров «первого призыва», сгрудившихся у левой стены почти в боевом порядке. Между двумя группами ощутимо нарастало напряжение предстоящей схватки. Ромка не размышляя положил руку на эфес шпаги и шагнул налево, встав плечом к плечу с Кристобалем де Олидом. Тот сдержанно кивнул, не отводя взгляда от противников.

– Что тут у вас происходит? – спросил Ромка одними губами, не поворачивая головы.

– Похоже, бунт! – ответил тот шепотом. – Альварадо ушел за подмогой.

Капитан-генерал, сидящий за столом меж двух готовых сцепиться групп, поднял глаза от очередного письма императору.

– Я обещал вам возвращение на родину, как только наступят более мирные времена. И я выполняю это обещание. Прошу только об одном: сие письмо, – он протянул предводителю мятежников свиток с небольшой личной печатью на сургуче, – переправьте моей жене, Каталине Хуарес Ла Маркайде в Севилью. А сие, – вложил он в ладонь одного из возвращенцев почти точную копию первого, – брату жены Хуану Хуаресу, который, по моим сведениям, сейчас пребывает на острове Куба. А вот эту реляцию, – он помахал в воздухе свитком с не просохшими еще чернилами, – передадите управляющему города Вера Крус адмиралу Педро Кабальеро. Он выделит вам корабль, провианта на неделю, – и в добрый путь. Не смею задерживать.

²² Жрецы.

Предводитель восставших пытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Он лишь шевельнул рукой, то ли прощаясь, то ли отмахиваясь, и, не поклонившись, вышел. За ним гуськом потянулись остальные.

Ромка облегченно убрал руку с эфеса:

– Чего это они?

– Понятия не имею, – рассудительно ответил Олид. – Недовольны были, конечно. Но вели себя тихо, а тут будто черти вселились. И говорят странно, будто с чужих слов. Да ладно. Дело прошлое.

Когда в зале остались только старые проверенные бойцы, к капитан-генералу подступил Гонсало де Сандоваль.

– Любезный сеньор, каковы причины такого поступка? Ведь тем самым мы ослабляем свою и так невеликую армию!

– Смертельно мне надоела возня с ними, – ответил Кортес. – К военному делу они мало пригодны, трусливы и, боюсь, могут предать нас в любой момент. Так лучше остаться одним, нежели в дрянной компании.

– И то верно, – согласился Сандоваль. – Что же мы будем делать теперь?

– Сначала я хочу попрощаться с друзьями, – грустно склонил голову Кортес. – Полночи мы проговорили с сеньором де Ордасом. – Он взмахнул рукой в сторону старого израненного капитана, который в последнее время словно прирос к стулу. – Местная погода совсем неблагоприятно сказывается на его ранах, поэтому я попросил его отправиться в Испанию и выполнить там для меня несколько поручений. С ним поедет Алонсо де Мендоса.

Ромка удивился: сеньор Мендоса славился змеиной изворотливостью и каменной твердостью торгашеской души. Но сути поручения капитан-генерал не открыл, да и молодому человеку было не до того. Под барабанный бой на колени де Ордасу положили флаг конкисты. Четыре рослых талашкаланца подняли резной стул старого воина и медленно понесли по проходу. Ромка выдернул из ножен шпагу и поднял ее вверх, салютуя боевому товарищу, который, один из немногих, живым и с честью покидал свое место в строю. Несмотря на то что в уголке глаза набухла предательская влага, губы молодого человека сами растягивались в доброй прощальной улыбке. Рядом сквозь всхлипывания лыбился впечатлительный Альварадо. За его спиной переминались с ноги на ногу полдюжины приведенных им стрелков.

Третье поручение, с коим Кортес отсылал на Санто Доминго Алонсо де Авила и Франсиско Альвареса Чико, прошло совсем незамеченным в буре воспоминаний и объятий, охвативших рыцарей после торжественного прощания с боевым товарищем. А меж тем им было поручено известить находящуюся там Королевскую аудьенсию о всем происходящем, дабы она могла заступиться за конкистадоров в деле Нарваэса, и получить от нее одобрение насчет рабства и клеймения восставших и мятежников. Дону Авиле под расписку были вручены два мешка золота, которое вряд ли когда-либо увидит кто-то из королевских перцепторов²³. Таким образом, с внутренними делами было покончено, остались дела внешние.

Кортес достал из раструба потертой кожаной перчатки платок и, подойдя к окну, несколько раз махнул им вверх-вниз. Во дворе запели испанские рожки. Раздались свистки талашкаланских командиров, призывающих своих воинов на построение, заскрипели колеса фальконетов и подвод. Раздался топот бесчисленного количества ног.

²³ Perceptor – сборщик налогов (*исп.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.